

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

К Н И Г А # 7

Колхозное строительство

Андрей Шопперт

Колхозное строительство 7

«Автор»

2022

Шопперт А. Г.

Колхозное строительство 7 / А. Г. Шопперт — «Автор»,
2022 — (Колхозное строительство)

Пенсионер шёл на концерт Вики Цыгановой. Прослушал и пошёл дарить цветы. И тут ферма с фонарями обрывается. Падает. Убивает и пенсионера Петра Штелле и певицу Вику Цыганову. Очнулся Пётр в теле тёзки — Первого Секретаря Краснотурьинского городского комитета КПСС Тишкова Петра Мироновича. И носила его судьбы от ... Ну, вы знаете. Теперь вот занесла в Казахстан. Замечательное место Алма-Ата. Особенно, когда цветут яблони, и когда в конце лета поспевают знаменитые алма-атинские яблоки «Апорт». Есть и минусы, в очень селеопасном месте построена столица Казахстана. И сели с сотнями погибших не редкость. Вот под такой и попал Первый Секретарь ЦК компартии Казахстана Пётр Миронович Тишков вместе с семьёй. Выбрался на природу на праздники. Теперь бы из-под семиметровой западни выбраться. Продолжаются приключения Петра Тишкова и Вики Цыгановой в прошлом. На дворе 1969 год. Отгремели бои на острове Даманский, но Китай на этом не успокоился. А ещё надо вновь поднимать Целину. Да, много чего надо. Читайте.

© Шопперт А. Г., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Интерлюдия 1	5
Интермеццо первое	7
Интерлюдия два	10
Глава 2	12
Событие первое	12
Событие второе	14
Интермеццо второе	16
Глава 3	17
Интерлюдия третья	17
Событие третье	20
Глава 4	22
Интермеццо третье	22
Интермеццо четвертое	25
Глава 5	29
Событие четвертое	29
Событие пятое	32
Событие шестое	34
Глава 6	36
Интермеццо пятое	36
Событие седьмое	40
Событие восьмое	42
Глава 7	44
Событие девятое	44
Событие десятое	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Готлибович Шопперт

Колхозное строительство 7

Глава 1

Интерлюдия 1

Пришёл клиент к часовому мастеру. Тот развинтил его часы, а из них выпал дохлый таракан. Мастер говорит:

– Тю, браток, так у тебя же машинист помер!

Таракан Ёж не на шутку разозлился. В доме опять появился чужак. Что же это за напасть-то такая – всё время присылают врагов! Этот враг был ещё к тому же и умный: он не бросился в драку сразу, нет. Он решил сначала оторвать от Ежа всех его друзей и слуг. Беседы стал с ними вести, рассказывать, как будет хорошо, если все тараканы отвернутся от Ежа и станут плясать под его, Даллесовскую дудку.

Старые опытные тараканы послушали этого Аллена, плюнули и вернулись к Ежу, а вот часть молодёжи стала крутиться вокруг новенького. Ёж решил и сам послушать, чего же такого мог сказать этот недомерок его тараканам, что те стали задирать нос на своего вождя. «Эта квартира лежит в развалинах. По подсчётам экономистов, хозяевам потребуется от тридцати до пятидесяти лет, чтобы восстановить тут всё, расставить мебель, разбросать крошки, да и вообще всю квартиру в целом обставить. ...Тридцать, пятьдесят – оба этих срока нас не устраивают. Надо, чтобы хозяева потратили на восстановление хозяйства в три раза больше времени!»

Ёж задумался. Чем же хороша разруха? Есть место, где прятаться, это да – но за аккуратно расставленной мебелью места тоже хватает. Нет в разрухе ничего хорошего. У бедных не бывает вкусных крошек от печенек и вафель. Мутный тип этот Даллес.

Потом новенький совсем разошёлся.

«Тараканья натура такова, что в беде всегда ищет какую-нибудь отдушину: одни цепляются за религию, другие заливают горе вином, третьи ищут забытья в разгуле. Русским тараканам сейчас приходится туго. Вдова, потерявшая на фронте свою половину... молодая тараканиха, которую бросил любимый... юный таракан, сразу не нашедший себе места в жизни... Натолкнём их на мысль, что они должны уповать на бога, завлечём их в секту, а если таковой не имеется – организуем сами!.. Местные тараканы любят попеть за рюмкой водки. Напомним им, как отлично они чувствовали себя, попробовав пролившееся вино. Пьяному море по колено, говорят местные. Давайте найдём такое море, и пьяный таракан побредёт туда, куда нам нужно.»

Нет! С этим Алленом нужно кончать. Как-то после праздника Ёж подкараулил его, когда тот пробежал мимо небольшой лужицы пролившейся водки, и, схватив всеми шестью лапами, подтащил к ней. А потом сунул туда его треугольную говорливую головку и держал, пока Даллес не перестал сучить своими короткими ножками, покрытыми рыжими волосками.

Отбросив труп очередного засланца, Ёж посмотрел на потолок и пробурчал:

– В следующий раз пришлите кого поумнее. Моих тараканов водкой не испугаешь.

– Хорошо, – сказал потолок – и прислал её.

Да-а-а! Не поскупились. Хороша. Звали новую тараканиху – Мерлин.

- Это рыба, кажется, так называется? – попытался напрячь свои уменьшившиеся мозги Ёж.
- Глупенький! Рыба называется не Мерлин, а марлин, – хохотнула засланка.
- Да без разницы! Иди сюда, рыбка моя! Сейчас будем делать маленьких марлинчиков...

Интермеццо первое

*Штирлиц стоял весь в медалях на развалинах Рейхстага. Мимо
ехали мрачные гестаповцы на мотоциклах.
«Металлист», – подумали гестаповцы.
«Байкеры», – подумал Штирлиц.*

Кадри Лехтла ворочалась на скрипучей панцирной кровати и не могла уснуть. Так всегда бывало при переезде – первую ночь не шёл сон, и всё тут. Хоть что предпринимай. Даже как-то выпросила у санинструктора таблетку димедрола. Ещё хуже стало – голова как ватой набита, глаза слипаются, мысли еле ворочаются, а сон, будь он проклят, так и не идёт. Паршивое состояние.

Где-то слышала, что надо наесться до икоты, и тогда заснёшь без проблем. Попробовала. Почти получилось: глаза стали слипаться, мысли путаться. В таком состоянии промучилась несколько минут – и спишь, и не спишь. Потом прошло, опять всю ночь провертелась, только ещё и с полным животом.

Ещё про тёплое молоко подружки нашептали. Два стакана выдула – а дело зимой было, и туалет не в казарме, а на улице. Несколько раз пришлось по морозу бегать. Чуть не простыла тогда. Какой уж тут сон после пробежки с голыми ногами в тридцатиградусный мороз.

Смирилась. Завтра отоспится – а сегодня придётся повертеться. Их с Дальнего Востока опять перебросили в Восточный Казахстан. Вспомнила вечерний инструктаж. Китайцы не успокоились, тактику сменили.

В районе казахского посёлка Дулаты проходила чабанская тропа. По ней китайцы регулярно прогоняли свои отары, а за передвижением этих отар и стад следили советские пограничники. После конфликта на острове Даманском в ожидании новых военных провокаций к посёлку были выдвинуты усиленные мобильные группы, включавшие бронетранспортёры с пулемётами.

2 мая 1969 года под видом пастухов к посёлку Дулаты проникли военнослужащие НОАК. Надеялись на ослабление внимания пограничников из-за праздника. Они умело маскировались и прятали оружие под куртками. Прогон отар в этот день оказался неожиданным для советских погранцов: «пастухов» оказалось больше обычного, не менее сотни.

Вторжение началось в 8 часов утра на правом фланге заставы Дулаты Бахтинского Краснознамённого погранотряда. Агрессоры смогли вклиниться на советскую территорию на глубину до трёх километров, заняв оборону на фронте в 8 километров.

В ответ на это с советской стороны к месту конфликта отправились мобильные группы. Собрали до трёх десятков бронетехники и до 500 солдат и офицеров, группой командовал майор Иван Бутылкин. В небе появилась советская штурмовая авиация.

Открывать огонь по нарушителям приказа пока не поступало, и китайцы воспользовались этим. Они усиливали свою группировку все дни вплоть до 4 мая. К рассвету 5-го числа в районе атакованной китайцами советской территории уже собрался целый стрелковый полк НОАК. На высоты выдвинулись два батальона, их поддерживали остальные части, которые дислоцировались на китайской земле. Прикрывали стрелков артиллерийские батареи. С китайской стороны всю работу вели агитационные установки, которые вели пропаганду и призывали советских солдат не открывать огонь. Репродукторы хрипели на чистом русском языке, что они находятся на своей территории: «Это вам не остров Даманский!». Хроникёры КНР снимали действия солдат НОАК для пропагандистских фильмов.

Обе роты снайперов перебросили к посёлку Дулаты 4 мая. Вечером командиры шестёрки провели рекогносцировку. Выбрали места для лёжек, обозначили ориентиры. Полковник

Игнатъев и командиры рот обговорили с начальником 3-й пограничной заставы действия тех в случае открытия артиллерийского огня по позициям снайперов. «Охота» должна начаться в восемь утра 5 мая.

Что-то Игнатъев намудрил. Кадри прильнула к окуляру прицела. Солнце било прямо в глаза. Нужно было действовать как раз вчера вечером, а сейчас ещё и блики от стёкол прицела засекут вражеские наблюдатели и снайпера. Капитан Лехтла отползла с холма и доложила стоящим внизу офицерам свои соображения.

– Блин, – покрутил головой полковник, – вчера пасмурно было. Думал, что и утром солнце за тучами будет.

– И что будем делать? – майор Бутылкин глянул на небо. Ни облачка.

– Можно попробовать разместить шестёрку вон на том выступе, – Кадри показала на небольшую гряду чуть позади советских пограничников, – и стрелять по холму с противоположной стороны. Тогда солнце почти не будет мешать. Дистанция предельная, но китайцы почти не прячутся. Пока поймут, откуда стреляют – можно пару десятков положить.

– Обработают из гранатомётов или пушек, – почесал двухдневную щетину на щеках майор.

– Точно. Потому вторая группа должна сидеть вон в том самом левом окопчике, и открыть огонь по гранатомётчикам и артиллеристам. Первая же группа сделает по десятку выстрелов и сразу отойдёт.

– Сама хочешь первую возглавить? Думаешь, вторую звезду дадут? – фыркнул Игнатъев.

– Как раз нет, товарищ полковник – лучше я со своей группой в левый окоп пойду. У меня Федька есть, он на дальних дистанциях лучший. Недолго китайцы огонь из пушек будут вести. Кончатся.

– Добро. Я тогда майора Краско с его шестёркой на выступ пошлю. Давай, капитан, не подведи.

– Есть, товарищ полковник.

Получилось чуть хуже: по группе майора начали работать после первых же выстрелов. Ну, может, пуль по пять-шесть успели послать в друзей по соцлагерю ребята. Видно, у китайцев опытные командиры среди артиллеристов нашлись – одна из батарей была развёрнута как раз на этот выступ. К счастью для Краско и его группы, первые снаряды угодили с небольшим недолётом. До второго, более точного залпа снайпера успели высоту покинуть.

Ну а тут и начала работать шестёрка Кадри. Получилось неплохо: та батарея, что обстреливала пустую уже высоту, – как на ладони. По дальним пушкам работал Федька. Кадри же выцелила комбата и успокоила его уже со второго выстрела. Далековато, метров шестьсот. «Товарищи» не сразу поняли, откуда ведётся огонь – а когда развернули гранатомёты и обстреляли их окоп, то от всей батареи, может, пара раненых осталась. Плохо, что земля больно каменистая. Окопчик низкий. Пришлось по-пластунски ретироваться. Опять ручейки страха вместе потом по спине побежали. Вжик! Осколок впился в землю прямо перед носом. Ну, немного ведь осталось – вон до того холмика доползти. Он прикроет. На полминутки раньше нужно было выбраться. Всё жадность! Посчитаться с китайцами за наших пограничников на Даманском хотелось. Доползли. Ещё и погранцы с БТР открыли огонь, прижали китайцев на время к земле – и всё равно без потерь не обошлось. Осколок распорол руку старшему лейтенанту Овчаренко, а с везунчика Федьки каску сорвало. Чуть не час китайцы потом по пустым окопам долбили, пока не подошли вертолётчики и не причесали их из крупнокалиберных пулемётов. Стали отходить, флаг белый подняли. Нательную рубаху чью-то за рукава к винтовке привязали и махали ею.

– А чего раньше авиация не подошла? – ворчал Федька, прыгая на одной ноге, будто воду из ушей вытрясая. Совсем ведь рядом мина шарахнула.

– Игнатъев говорит, ждали, чтобы они первыми огонь начали.

– Так мы первые...

– А кто видел?

Герой Советского Союза капитан Кадри Лехтла добавила к своему списку из ста трёх убитых ещё одиннадцать. Эдак, если китайцы не успокоятся, то можно и вправду на вторую «звёздочку» настрелять.

Интерлюдия два

Летят в самолёте русские солдаты. Выходит офицер и говорит: «Ребята, мы летим в Афган воевать». Солдаты погрузились. Офицер добавил: «Но за голову каждого убитого душмана мы вручаем приз – тысячу долларов». Самолёт садится, все разбегаются врассыпную. Через час возвращаются со связками голов. Офицер, падая в обморок: «Ребята, мы же сели в Ташкенте для дозаправки...»

Политбюро собралось не в полном составе. Не было Гречко, не было Семичастного – ну, Тишкова тоже, понятно. Цинев улетел в Казахстан вместе с Гречко, всё же погранвойска – это его епархия. Докладывал об инциденте начальник Генерального штаба Герой Советского Союза маршал Захаров Матвей Васильевич.

– ...в результате переговоров стороны подписали соглашение о выводе китайских войск с советской территории. 6 мая 1969 года с оспариваемой территории ушли китайские военнослужащие. 7 мая вернулись на участок части 18-й армии. На заставе осталось большое количество военнослужащих, а именно: 706 человек, 38 БТРов, 3 танка, 6 миномётов.

– Что думаете, Матвей Васильевич, будут ещё попытки? – Косыгин красными глазами смотрел на военного.

– Без всяких сомнений. Думаю, где-то рядом опять попробуют. Территории там слабо-защищённые, граница чуть ли не условная. При желании перейти проблем не возникнет. Мы сопоставили объявленные китайским лидером Мао Цзэдуном спорные территории с местами конфликтов. Картина не радует: все якобы их территории сейчас активно прощупываются. Если так можно сказать – идёт разведка боем, – маршал подошёл к карте Казахстана, что закрепили на шкафах офицеры, пришедшие с ним. – Одним из возможных мест следующей масштабной операции со стороны Китая считаю территорию границы вблизи озера Жаланашколь. Территория тоже отмечена как «спорная».

– Товарищ маршал, а мы всё время будем сидеть в обороне? – Воронов ткнул пальцем в карту, потом им же поправил большие очки. – У нас там нет «спорных» территорий?

Захаров улыбнулся. Снял закреплённую магнитиками карту с планшета, и открылась другая. Монголия.

– Генеральным штабом разработан удар моторизированной дивизией армии Монгольской Народной Республики по Местечку Баян-Обо в провинции Внутренняя Монголия. Войск там мало, и территорию точно можно назвать «спорной». В этом месте Китайская Народная Республика нашла большие залежи редкоземельных металлов, сейчас там ведутся предварительные работы. Примерно десять лет назад там был создан небольшой изыскательский посёлок Баян-Обо в составе аймака Уланчаб, сейчас передан в подчинение Баотоу.

– Редкие земли – это очень дорогие и очень трудноизвлекаемые металлы. Вы надеетесь удержать эти территории? – председатель Совета министров РСФСР Геннадий Иванович Воронов с сомнением мотнул головой.

– Для начала нужно, чтобы на эту операцию пошли наши монгольские друзья. Юмжагийн Цеденбал вчера введён командующим Забайкальским военным округом в курс планируемой операции. Пока ответа не последовало.

– Я позвоню Анастасии Ивановне, узнаю, что они решат, – Косыгин встал из-за стола и подошёл к карте. – А вы уверены, Матвей Васильевич, что мы сможем закрепиться там? Пустыня. Проблемы возникнут со снабжением.

– Так точно, Алексей Николаевич. В принципе, можно и отдать потом территорию, но Китай должен понять, что в эту игру можно и вдвоём играть.

– Ладно, после того как позвоню в Монголию, свяжусь с вами. Что по поискам Тишкова?

– Идут третьи сутки. В район, где находилась дача Кунаева, переброшено несколько сапёрных частей. По данным от командира части, слой ила и камней – приблизительно семь метров. Непосредственно к расположению строения переброшены вертолётами Ми-6 и Ми-10 три лёгких дренажных экскаватора ЭТН-171 массой девять тонн, они предназначены для рытья траншей глубиной до двух метров и шириной полметра. Кроме того, доставлены два лёгких семитонных бульдозера ДТ-75 и два больших пятнадцатитонных Т-180. Правда, при приземлении один из бульдозеров Т-180 получил незначительные повреждения – посадка вышла жёсткой. Сейчас доставлены запчасти и ремонтная передвижная мастерская. Опыт переброски тяжёлой техники вертолётами показал, что нужно ускорить работы по созданию более грузоподъёмных вертолётов.

– Ясно. Когда докопаются до нулевого уровня? Местные специалисты утверждают, что в доме был оборудован приличный подвал. Не бомбоубежище, но всё же. Есть надежда, что семейство Тишковых укрылось в нём, – Косыгин сел на стул, ослабил галстук. В помещении становилось душно.

– Думаю, дня три. Работы идут полным ходом, но там такая каша – и очень много крупных камней, которые бульдозерам не по силам.

– Шесть дней... Если они замурованы в подвале, то просто задохнутся, – Воронов снял очки.

– Не паникуйте, Геннадий Иванович. Ещё выпьем за здоровье Петра Мироновича. Этого типа селом не убьёшь. Тут Тунгусский метеорит нужен – и чтобы точно в темечко, а то всё равно выкрутится, – печально улыбнулся предсовмина.

Глава 2

Событие первое

*Винни-Пух подходит к розетке и говорит, мотая башкой:
– Пятачок, тебя что, замуровали? Дохрюкался, свинья?*

Как там придумали английские учёные? «There are three things you can watch forever: fire, water, and other people working». Нет, аглицкого Пётр не знал. Как все полиглоты, он, безусловно, мог с пафосом сказать: «фейсом об тейбол». Или ещё вот: «компютер» мог без акцента произнести. Однако давно фразу выучил, ввернуть при случае. Вот сейчас – Случай. «Бесконечно можно смотреть на три вещи: как горит огонь, как течет вода, и как...» Чего там третье? «Как садится солнце»? «Как паркуется женщина»? Точно – как пипл работает. Пипл работал. Двигал стеллажи.

Тихо и мелодично журчит в ущелье маленькая речка, или даже ручей. Можно часами, сидя на камне, без усталости любоваться его струями, то обтекающими разбросанные тут и там валуны, то устраивающими возле них пенные водовороты, и не подозревать, что этому мирному ручью ничего не стоит в одну минуту превратиться в беспощадного дракона. Резкий подъем воды, паводок, вызванный проливными дождями или бурным таянием снегов где-то в верховьях – и вот ручей уже не ручей, а ревущий, сметающий всё на своём пути, мутный от ила, песка и почвы поток. Те самые камни и валуны, которые он так ласково обтекал, сорваны со своих мест и с рёвом катятся вниз, сметая походя изыски архитектуры в виде бывшей дачи Кунаева. «Сель» (сайль) – слово арабское, в переводе означает именно то, что сказано выше, то есть бурный поток.

Накрыло, сорвало, замуровало. Чуть не затопило. В подвале находилась вентиляционная труба – ну или как там она называется. Сразу после того, как мигнул и погас свет, из неё стала поступать вода, точнее, мутная серо-коричневая жижа. Подставили замеченное Петром в углу ведро – наполнилось за пару минут. Лия наощупь нашла на стеллаже фонарик. Оказывается, пока их не было, она подвал осмотрела – и заметила. Батарейки были разряжены. Почти. Так, совсем слабый жёлтый кружочек. С помощью этого тусклого кружочка нашли ещё флягу алюминиевую – подставили её. Чуть больше половины набрали. И всё, блага кончились.

В первую пару минут было страшно. Земля ходуном ходила, женщины визжали, Юра плакал, а Пётр пытался с помощью кремальер плотно закрыть дверь. Всё, теперь как в подводной лодке. Получается, что у Кунаева тут настоящее бомбоубежище? Тут свет мигнул и пропал. Понятно, сорвало столбы линии электропередачи. В это время зажурчало, и пришлось водой заниматься. Лия подсказала:

– Нужно воду собрать. Тут нет.

Вот сколько смогли, собрали – а потом тишина наступила. «Замуровали, демоны». Не смешно. Пока в батарееке осталось на доньшке электричество, Тишков осмотрел апартаменты. Это не было бомбоубежищем – просто подвал с дверью от того убежища. Вдоль одной стены – стеллажи со всякой дрянью. Нашлись зажигалки. Точно – у Кунаева их огромная коллекция. Все знали о его хобби и дарили. Тут, видно, не ценные экземпляры – но пустые, ни бензина, ни газа. С другой стороны – рыболовные принадлежности и два кресла с лежащими на них тряпками. Одежда – видимо, старая. Ого! Как эта штука называется? Пусть тоже будет стеллаж. Этажерка с наклонными полочками, и на них – пара десятков бутылок вина. Так мусульмане же не пьют? Тыфу ты. Коммунисты – не мусульмане. Вот и всё богатство. Нет, под креслом обнаружился рюкзак. Удачно: три банки тушёнки. Видно, на рыбалку брали. И вилка – одна.

Ну, в тесноте – не в обиде. Насчёт тесноты: большой подвал. Судя по всему, под всем домом. И высота приличная, даже очень – метра три. Осталось обследовать только голубую дверь. Открыл. Гротеск какой-то! Два баллона кислородных, один с пропаном, и шланги, скрученные, с резак. Кунаев что, любил после работы трубы резать? А ведь это подарок! Пётр пошевелил кислородные баллоны. Один – полный. Второй – лёгкий, но тоже не совсем пустой.

Сел в кресло. На соседнее устроился притихший Юрка. Пётр сбросил одежду с обоих кресел, устроил что-то типа лежанки.

– Садитесь. Думать будем.

Девки перестали хлюпать носами и устроились на тряпках – и тут совсем тусклый свет погас окончательно.

– Аааа!

– Всё, Юра, не кричи, – Тишков забрал малыша на колени.

– Задохнёмся? – это Маша-Вика.

– Лия, ты же медик. Химию сдавала. Что там про содержание кислорода в воздухе?

Всхлипнула в темноте, вздохнула, забрала хныкавшего мальчика и села в соседнее кресло.

– Предельное содержание – девять процентов.

– Считаем. У нас где-то восемь метров на восемь, и метра три в высоту. Получается около двухсот кубов. Пятая часть – кислород. Сорок кубов. С института помню, что в сорокалитровом баллоне – шесть кубов. Один неполный. Округлим до десяти. Итого у нас на пятерых – пятьдесят кубов кислорода. Девять – это половина от содержания в воздухе. Значит – двадцать пять.

– Человек до 500 литров в день тратит, – подсказала жена.

– Делим. Нет, сначала на пять умножим. Получим два с половиной куба. Десять дней. Правда, в конце плохо будет – придётся через несколько дней перебираться на стеллаж. Углекислый газ тяжелее воздуха, он будет вниз опускаться. И нужно меньше двигаться. Лежать лежа и ждать спасения. Спасут, я уверен – так что хватит носами шмыгать. Успокойтесь, – вот ещё бы и самому успокоиться.

– Десять дней не протянуть. От жажды умрём. Пару литров в день на человека, – «успокоила» Лия.

– У нас вон вина пятнадцать литров. Будем день Победы отмечать. Какие ещё праздники в мае?

– День Радио седьмого, – подсказала Цыганова.

– И его отметим. Главное – со счёта не сбиться. Будем на стене чёрточки как Робинзон Крузо рисовать.

Событие второе

– Ой, где это я?

Ангел:

– В раю!

– А почему колючая проволока вокруг?

Ангел строго:

– Разговорчики в раю!

Ищут ведь, наверное?! Не может быть, чтобы не искали. Он ведь Первый Секретарь ЦК компартии Казахстана, и к тому же член Политбюро. Но тихо пока тут, под землёй.

Выполнил своё же указание – отодвинули они стеллажи от стенки и сдвинули вместе. Четыре почти двухметровых конструкции в длину, и около метра в ширину. Получили что-то вроде помоста в середине подвала – два на три метра, может, чуть больше. Там разместились. Спустились только один раз Пётр с Викой, слили всю отстоявшуюся из грязи воду. Получилось около десяти литров – чуть поменьше. Снова отстояли и процедили через шёлковую нижнюю сорочку, скорее всего, жены Кунаева. Помогает бывший глава республики, чем может.

Пётр всю воду жене и детям оставил, сам решил попробовать, чего же за вино хранил Динмухамед Ахмедович. Спустился, вытащил первую попавшуюся – и столкнулся с трудностью. Штопор если в подвале и был, то искать его наощупь – нетривиальный квест. Решил отбить горлышко – вон у гусар в фильме лихо получалось. Опять проблема: пашка, которой он в этой реальности вот уже два года машет, оказалась виртуальной и никак не подходила для задуманного. Так можно и помереть от жажды с бутылкой в руках. Есть кроме штопора ещё специально обученные шурупы: ввинтил отвёрткой и плоскогубцами, да и вытащил его вместе с пробкой. Не хватало малости – шурупа. Ещё с отвёртками беда. И до кучи – нет плоскогубцев. Вот умрут они тут от удушья... Как там термин есть красивый – асфиксия. Гораздо приятнее помирать от красивого слова. Так вот, умрут от асфиксии – и попеняет он товарищу Кунаеву, что штопором не озаботился. Мог и положить рядом с бутылкой.

Хотя вряд ли встретятся. Тот в мусульманский рай попадёт. Что про него известно? Недавно ведь с одним муфтием разговаривал. Описан он, оказывается, в суннах и в хадисах. Ещё бы знать, что это. Самой главной отличительной чертой рая у мусульман, со слов высшего духовного лица Казахстана, является отсутствие нечисти в любом её проявлении. Ещё считается, что правоверные смогут наслаждаться самыми вкусными блюдами из тех, что они могут представить, а переваренная пища трансформируется в лёгкую икоту и пот, имеющий очень приятный запах, напоминающий аромат благовоний. Также в описании исламского рая упоминается, что жизнь правоверных наполнится радостью и богатством. Каждый будет красив и молод, а такие чувства, как усталость и печаль исчезнут навсегда. Называется это место – «джаннат». В переводе – «райский сад». Хм, а у христиан ведь тоже сад. Может, и доведётся свидеться?

Что ещё аксакал говорил? Богословы утверждают, что в раю мусульман ждёт вечное блаженство. Их жизнь будет похожа на мечту, которая стала явью. Каждый праведник получит все то, чего ему хотелось иметь в жизни. Он будет иметь золото и украшения с драгоценными камнями, одежды из шелка и парчи, а рядом будут сидеть философы и те, кто также своей жизнью заслужил право находиться в раю.

Лучше в мусульманском раю. У православных вон даже поговорка есть, что золото с собой не заберёшь. Зачем тогда наживать? Ну, в смысле, все сказки ведь заканчиваются как-то так: «стали жить-поживать и добра наживать». А на кой ляд его наживать, если с собой не забрать?

Так ведь дальше – ещё хлеще. К примеру, мужчина, попавший рай, окажется там не один, а со своими жёнами. С ними он будет иметь интимные отношения, но вот дети от этой связи появиться не смогут. Кроме жён, к праведнику смогут приходить гурии божественной красоты, и запрета на близкие отношения с ними не существует.

Это несправедливо! У нас сидишь и яблоки под деревом трескаешь, а у них – гурии, мать растак за ногу. И опять не конец благам – ещё нате! Мусульмане в раю смогут не только вкушать необычные яства, но и пить вино. Оно не может опьянить, а вкус его сложно сравнить даже с самым изысканным напитком, когда-либо созданным руками человека.

Вот тут нельзя, а там – пожалуйста. Стоит чуть потерпеть. Гуляй потом по садам, сиди на скамейках из чистого золота, винишко вкусное холодненькое попивай с гуриями. Так как рай представляет собой бесконечный и невероятно красивый сад, то само собой разумеется, что он полон рек, прудов, озёр и заводов. Праведники могут выбирать для себя реки с мёдом или вином, а при желании в раю можно отыскать и молочные.

Всё, заканчивать надо. Есть и пить захотелось нестерпимо. Правду тут на востоке говорят – хоть сто раз произнеси «халва», во рту слаще не станет. Пошёл до железной двери и тупо отбил горлышко о зубчатую рейку кремальеры. Попробовал. Что-то типа рислинга или шабли. Чуть кисленькое, и градусов немного. Самое то, что нужно.

Поднялся наверх. Девицы обсуждали, как их разыскивают на верху. Лопатами откапывают.

– Папа Петя, ты бы рассказал какую историю интересную. Писатель ведь, Вика отобрала бутылку и чуть глотнула. – Кислятина.

– А знаете, я вот тут лежал вчера, представлял, что мы на подводной лодке – и вспомнил одну интересную историю. Случилась она во время первой мировой войны. Арабский шейх Мухаммед ибн Али ас-Сенуси, не соврать бы, из Ливии, но точно не помню, был союзником Германии. Так вот, в знак благодарности за то, что немцы на подводной лодке доставили ему деньги и оружие, решил он сделать царский подарок кайзеру Вильгельму. Выбрал самое ценное, что у него было – понятно, белого верблюда – и передал его командиру субмарины. Отказаться принять сей дар немецкий кригсмарин не посмел – это означало бы нанести величайшее оскорбление дарителю. Восток – он и тогда был делом тонким. Чертыхаясь про себя, а потом, за неимением слушателей, и в голос, немецкие подводники привели животное на субмарину и привязали его к орудию на палубе. Тогда на подводные лодки ещё пушки ставили.

В Средиземном море подлодку принялись атаковать английские самолёты. Спрятаться от них на глубине субмарина не могла – утонет ведь горбатый подарок шейха. Однако морякам жить всё же хотелось – и тогда командир лодки принял соломоново решение, приказав боцману «Погружаться под верблюда!» Это значило, что боцман, стоявший на рулях, должен был притапливать субмарину до головы верблюда, а когда самолёты улетали, всплывать в надводное положение, освобождая обалдевшую страха животину. Так вот и топали по морю, периодически то погружаясь «под верблюда», то всплывая...

– Выдумал? – не поверили все три девки, и даже Юра спросонья чего-то пробурчал.

– Да чтоб мне провалиться!

Стеллажи разъехались. Благо падать невысоко – всего полтора метра. Локтём врезался. Больно-то как! Правду ведь рассказал. За что?

Интермеццо второе

– Какой ад лучше – капиталистический или социалистический?
– Конечно, социалистический – то спичек нет, то с топливом перебои, то котёл на ремонт поставят, то у чертей партсобрание.

Вольдемар Петрович Леин, Первый Секретарь ЦК Автономной Немецкой Республики Северного Казахстана, очень хотел заткнуть уши. А ещё лучше – оказаться сейчас в другом месте, потому что от фурии, что орала на него, исходила не только звуковая волна. От неё ещё и эмоциональная хукала прямо под дых, а в довесок по носу била волна запаха. Вот сколько раз говорили Екатерине Алексеевне – духами надо пользоваться аккуратно. Нет! Выльет на себя весь флакон какой-нибудь «Красной Москвы» или «шанели пятой», и сидит прямо рядом с ним на совещании, благоухает на весь Павлодар. «Весна пришла – весне дорогу».

Нет, не «шанель». Знакомый запах – в Латвии делали. Латвия, в которой он был секретарём ЦК до назначения в новую республику, считалась витриной СССР. Почти Запад. Мощёные улицы, древний город, красивые дома, ухоженные садики – и ничего этого не было в Павлодаре. Город металлургов и машиностроителей. Город-труженик. Витрина? Дайте время. Замо-стим тротуары бехатоном. Построим современный асфальтовый завод. Облагородим дворы и улицы. Посадим корейские кедры, маньчжурские орехи, а вдоль всех заборов – маньчжурский же виноград, ну и девичий, где только можно. И фабрику по производству «шанели», будь она неладна. Вот и будет нам «щастье». Дайте срок. Тишков обещал добиться, чтобы до нуля сократили отпуск Центром денег на старую «витрину» – латыши и сами зарабатывают. А сэконо-мленные – вложить в новую немецкую республику. Вот вони-то будет! Как сейчас прямо. Анекдот вспомнился. «Девушка! Какими вкусными духами от вас пахнет!» – «Это борщ». Чуть не прыснул. Фурцева бы родимчик хватил.

– Екатерина Алексеевна, вопрос решённый. В Алма-Ату со спасательным поездом через... – Леин взглянул на свои «Командирские», – два с половиной часа выезжаю я. Вы оста-ётесь на республике. Жизнь не закончилась. У нас проблем, как блох на барбоске. Да, и не забудьте написать для газеты соболезнование...

– Тишков жив!!! – чуть не с кулаками бросилась, и ручьи слёз из глаз.

– Товарищ Фурцева, а ну отставить! Соболезнование родственникам погибших. Больше ста человек уже, и спасательные работы продолжаются. Без вести всё ещё числится почти две сотни.

– Я Петра Мироновича лучше знаю!

– Не спорю. Как это поможет разгрести завалы? Потом, мне ведь нужно встретиться с Маленковым и Жуковым. Я слышал, что у вас с Георгием Константиновичем натянутые отно-шения.

– Да он... Да я...

– Екатерина Алексеевна, закончили. Мне ещё предприятия обзванивать. А то отправят сыку... извините, девушек – а там киркой долбить целый день.

– Вольдемар Петрович, может я с вами? – и при заплаканной физиономии ещё и стра-дальческую улыбку изобразила. – А здесь и Сергей Сергеевич Волкенштейн справится – на пару дней ведь.

– Чёрт с вами. В полдень отправка с пятого пути. Только, умоляю, смойте этот ужас! Как рядом с вами люди в купе будут ехать? Это ведь, извините, и в тесноте, и в обиде получится.

– Спасибо!!! – уже из коридора. А ведь почти шестьдесят лет человеку. Москвой руко-водила. Всей идеологией страны заведовала. Чего это за идеология такая?

Глава 3

Интерлюдия третья

- *Какая страна самая независимая в мире?*
- *Монголия.*
- *Почему?*
- *Потому, что от неё ничего не зависит.*

Монгольская Народная Республика – это большая страна с маленьким населением. Так уж случилось. Религия отнимает у монголов народ. У них так заведено, что один из сыновей уходит в монастырь, обучается, и, естественно, детей себе не заводит, как и семью. А ведь сын может быть только один – вот и выходит, что размножаться некому.

Хоть духовенство чуть просело в нынешнее время, но все равно влияние религии продолжает сказываться на количестве населения Монголии и жизни людей. Таков порядок: мужчина, чтобы добиться чего-то в жизни, должен принять обед безбрачия в монастыре и не иметь детей!

Какие ещё беды уменьшили ровные ряды монголов? Ещё у них был свой Сталин. Звали сталинёнка Чойбалсаном. Соратник Жукова по войне с японцами на Хасане и Халхин-Голе. Он уменьшил население Монголии почти в два раза. Во-первых, взял и выселил всех китайцев. И правильно – китайцы должны жить в Китае. Потом взял и выселил всех бурят. А чего? Чем они лучше китайцев? Давайте, шуруйте в свою Бурятию.

И это не всё. Есть в Монголии дальний родственник белки, сурок с красивым именем «тарбаган». И живут на его тёплом тельце блохи. И блохи эти заражены бубонной чумой. Люди заболевают, начинается эпидемия, вымирает приличный процент населения – и эпидемия затухает. Проходит несколько лет, и человек забывает про чуму. Она вот не забывает – стучится в двери время от времени. Опять идёт охотник в выжженную монгольским солнцем степь и убивает сурка – и всё по новой. Одно время китайцы, поняв, откуда приходит «чёрная смерть», настрого запретили своим подданным селиться в Монголии и Манчжурии – но опять забылось. Сильнейшая эпидемия вспыхнула в 1910 году, – и, как всегда, основную роль в распространении инфекции сыграл популярный в регионе промысел тарбагана на мясо и шкурку. Меха тарбагана, особенно выкрашенный в чёрный цвет, пользовался большим спросом у скоряков Европы и Китая. В первом десятилетии XX века спрос на тарбагана резко возрос. А что – есть спрос, будет и предложение. Опять взялись за его промысел местные охотники. Первые случаи заражения произошли в начале осени 1910-го – разумеется, среди охотников. Эпидемия прокатилась по Китаю и унесла десятки тысяч жизней. Монголию тоже не минула – выкосила ряды добытчиков сурков. Потом семьи добытчиков. Дальше – больше. Соседи подтянулись. Потом соседи соседей. Произошла демонголизация Монголии.

Конец этому попытались положить советские эпидемиологи, да и вообще Советский Союз. Было вбухано огромное количество денег в создание бесплатного здравоохранения в братской республике.

К этому времени Монголией правила чета Цеденбалов.

Нынешнего правителя Монголии Юмжагийн Цеденбала изображают эдаким подкаблучником, которым рулила его русская жена Анастасия Ивановна Цеденбал-Филатова. Верно только отчасти – это не конкретно Юмжагийн был тихим и покладистым человеком, а вся нация. Началось, может, и раньше – но ключевую роль сыграл, как обычно, Чингисхан. Именно во времена своих великих завоеваний наиболее пассионарная часть монголов погибла или была

ассимилирована завоёванными народами. На родине остались самые пассивные. Монголия – это страна вечного покоя. Дело, понятно, в самих монголах, которых на заводы и в шахты не заманишь. Как были они чабанами, кочевым народом, как выращивали и пасли скот – так и остались.

Местный Сталин Чойбалсан решил провести коллективизацию. Плачевно кончилось – впрочем, как и у нас. Монгольская степь не пригодна для занятия сельским хозяйством – плодородный слой очень тонок, даже травяной покров восстанавливается долго. К тому же резко континентальный климат. Монголы питаются исключительно мясо-молочной пищей. Сухая степь не может прокормить большое количество животных. Потому – разобщённость и размеренный спокойный уклад жизни, передаваемый из поколения в поколение.

Так что там с подкаблучником? Не всё так прямолинейно. Цеденбал был бешено ревнив! В самом начале их брака, на отдыхе в Крыму, он чуть было не придушил жену, заметив, что та заболталась с офицером охраны. Насте еле удалось отбиться. Ему дважды приносили списки любовников жены, оба раза они летели в корзину: Анастасия Ивановна грозила забрать детей, уехать в СССР и развестись. Цеденбал веры этим материалам не давал, считал, что они подтовлены их врагами.

В Советском Союзе о «слабостях» Анастасии Ивановны знали – и в меру сил пресекали. Был у неё платонический роман с советским военным представителем в МНР: генерал поцеловал её в щёчку – допущенная вольность стоила ему должности. В Москве с Анастасией дружил знаменитый хирург Вишневский, но и тут все ограничивалось прогулками, походами в театры и душевными разговорами. Знали в Москве и о жёстком характере «первой леди».

Став во главе страны, Цеденбал долго боролся с противниками в ЦК: их снимали с должностей, отправляли на периферию, причисляли к «антипартийной группе», и за этим часто стояла волевая жена добродушного монгольского премьера. Старый друг Цеденбала, член ЦК, однажды бросил ей в лицо: «Ты пользуешься тем, что стала женой мягкого человека!» – и это ох как недёшево ему обошлось. Все, кто не потрафил Анастасии Ивановне, впадали в немилость. Академик Дамдинсурэн перестал руководить Союзом монгольских писателей. Поэт, написавший о Цеденбале сатирические стихи, был осуждён, отправлен на рудники, а после освобождения умер в нищете. Может, за дело? Поэт вообще, как и художник, должен ходить голодный.

У неё были свои люди и в госучреждениях, и в Министерстве общественной безопасности, она знала всё, что происходит в стране, и калёным железом выжигала малейшую угрозу Цеденбалу. Она пеклась и о его здоровье: когда муж отправлялся «в народ», в поездки по дальним аймакам, за ним по пятам следовал офицер Министерства общественной безопасности с флаконом спирта и полотенцем. Монголы любили своих правителей – и великого хана Богдо-гэгэна, и маршала Чойбалсана, и Цеденбала. Вокруг него толпились люди, и каждый старался дотронуться до начальника-дарги, веря, что это приносит удачу. Цеденбал пожимал протянутые руки, но после каждого рукопожатия сотрудник охраны поливал правую ладонь дарги спиртом и вытирал её полотенцем. Цеденбалу это не нравилось, он пытался возражать, однако жена настояла на своём: разве можно тащить в дом микробов, у них же дети! Принимая во внимание жуткую антисанитарию, Настю можно понять.

И всё же одному мужчине удалось завоевать сердце этой женщины. И этот человек сейчас волею судьбы вознёсся на Олимп. Был Генеральным Секретарём ЦК КПСС. Началось давно. Относительно.

Приехавший в Монголию с официальным визитом зампредсовмина Александр Шелепин, известный сердцеед, влюбил жену Цеденбала в себя по уши! Ради него она была готова на многое. В Москве Анастасия Ивановна предложила Шелепину встретиться, но тот сразу пошёл на попятный – обоих просматривали и прослушивали, карьера была ему дороже.

До этого был ужин в доме Цеденбалов, злополучный для Шелепина и его друзей. Кричали здравицы за будущего Генсека, «железного Шурика» – и все за это поплатятся. Сейчас, правда, колесо истории опять назад крутанулось. Большая часть «комсомольцев» снова в строю.

Ужин запомнился Анастасии Ивановне как один из самых чудесных в её жизни. Перед приездом гостей первая леди послала машину за парикмахером из советского посольства, он сделал ей причёску, гладко зачесав назад её льняные волосы и водрузив на них высокий накладной шиньон с завитушками.

Анастасия Ивановна самой себе затруднялась объяснить, какое сумасшествие нашло на неё в тот вечер, почему за столом один только Шелепин привлекал её внимание. Он был вежлив, красив, статен, остроумно поддерживал разговор...

Характер Анастасии Ивановны, способный к мгновенному куражу, уживался с доверчивым сердцем, беззащитным перед грубоватой мужской лестью. «Ты посмотри, какие у неё глаза! Посмотри, какие волосы!» – шептал Шелепин сидевшему рядом Месяцеву, не привлекая чужого внимания. Бедная Настя делала вид, что не слышит, сосредоточенно ухаживала за другими гостями, но Шелепин останавливал проходившего мимо Майдара, давнего Настиного воздыхателя, брал его под локоть и указывал глазами на хозяйку дома: «Скажи, ты видел где-нибудь ещё такие глаза?!»

Наутро Месяцев сказал Анастасии Ивановне: «Слушай, Шурик всю ночь о тебе говорил, ты его сразила...»

На следующий день они с Шелепиным о чем-то разговаривали. Он рассказывал, как снимали Хрущева, и смотрел ей в глаза. Настя считала, что у них начался красивый роман. Ездили на рыбалку, фотографировались. Шелепин сказал как-то: «Зачем нам деньги давать Египту? Мы должны поднять Монголию, она нам ближе и нужнее». Вернувшись в Москву, он написал положительный отчёт о поездке и добился для монголов новых кредитов. Потом говорил Анастасии: «Знаешь, сколько ты стоила России?!»

Их роман проходил на людях, они ни разу не были наедине. Продолжения «Железный Шурик» боялся. «Нас застукают...» – говорил. «У вас же друг Семичастный...» – «Нет, – вздохнул Шурик, – я ему не доверяю».

Сейчас всё изменилось. Не в смысле флирта – он стал только опасней. В смысле того, что нужна была Анастасия Ивановна Цеденбал-Филатова для продавливания очень непростого решения. Нужно было подвинуть Монголию напасть на Китай. И Шелепин позвонил тайной возлюбленной.

Событие третье

Идёт торговое судно. Рядом всплывает подводная лодка. Из открывшегося люка появляется пьяный подводник и кричит:

– Эй кэп, где здесь Дарданеллы?

– Зюйд-зюйд-вест держи.

– Что ты мне зюзюкаешь, ты пальцем покажи.

– Лия, как начинается-то? – дети спали, Пётр себя хреново чувствовал.

– Что начинается? – тоже как спросонья голос.

– Ну, кислородное голодание. Как там называется. Гипоксия? Асфиксия?

– Началось уже. Симптомы простые: головокружения, головные боли, сонливость, вялость, слабость, повышенная раздражительность и плаксивость, тошнота, тремор рук и ног.

– Тремор?

– Это – произвольные, быстрые, ритмичные колебательные движения частей тела, – как наизусть.

– Меня вроде пока не трясёт. Ну, чего ждать – пойду, выпущу кислород из баллонов.

Пётр спустился вниз. Так вот и никакой разницы – воздух и воздух. Голова, и правда, уже сутки болела – и за анальгином не пошлешь. Пять суток утром будет. Какого чёрта их до сих пор не откопали? За пять дней могли бы тут кольскую скважину на десять километров пробурить. Дверь еле открыл. С домом, вернее с подвалом, что-то происходит. Масса грязи и камней, что принёс сель, скорее всего, давит на перекрытие подвала, и плиты проседают – вот дверь и заклинило. Могут ведь и не выдержать! Тогда похоронят не заживо, а расплюснутыми.

Вентиль одного баллона подался легко. Зашипел, выходя, кислород – даже не зашипел, засвистел. Пётр чуть прикрутил, а то замёрзнет. Второй не поддавался. Хотел уже поползть, молоток какой поискать – что-то ведь падало со стеллажей, когда их двигали. Решил последний раз попробовать – получилось. Теперь в две ноздри шипели. Запаха свежести не почувствовал – не «Тайд». Дальше испытывать судьбу не стал – не хватало отравиться углекислым газом, скопившимся внизу. Лёг опять на краю сдвинутых стеллажей. Детей в центр поместили, чтобы не грохнулись с такой высоты во сне.

Лежал, вспоминал обе жизни. Ну, может и не зря прожил. Деревьев несколько десятков миллионов насадил. Домов построил тоже несколько сотен. Или это всё надо своими руками?.. Сыновья? Там остался. Редко о той жизни думал, сразу старался мысли отогнать. Что толку? Если он здесь уже кучу всего наменял, то там ведь теперь тоже всё по-другому. Или никакого «там» теперь нет? Брэдбери со своей бабочкой в голову лезет. В фильме изменения ни к чему хорошему не привели. Обезьяны какие-то зверские расплодились.

Об этой жизни тоже не сильно думалось. Перебрал мысленно, чего не доделал, и понял, что рано на покой. Не раскачал ещё лодку как следует. Нет Брежнева? Так Шелепин лучше ли? Чуть толкнул экономику и сельское хозяйство, разогнал диссидентов. Всё это хорошо, но главное ведь – люди, а они ещё и не думали меняться. Что для такой страны – два года? С пионерами и комсомольцами вон не успел разобраться. Ждал Дня Пионерии, чтобы начать. Теперь с этой подводной лодки уже не покомандуешь.

Неожиданно вспомнился «Курск». Тогда начал писать стихотворение, да так и не закончил. Лучше, чем у Высоцкого, не получится. А сейчас вот делать нечего. Не спится. Нужно попробовать. Как там начиналось?

Мы тонем, спасите, а SOS не подать,
Задраены перегородки,

Нам только осталось руками стучать
В титановый корпус подлодки.

Кончается воздух, слабеет рука,
И нам не добраться до суши,
Стучатся сердца, леденеет рука,
И стуки о корпус всё глуше.

В отсеках уже начинают молчать,
Радист не приносит нам сводки,
И только сердца продолжают стучать
В титановый корпус подлодки.

Увидеть бы маму, увидеть отца
И выпить в последний раз водки,
Всё глуше и глуше стучатся сердца
В титановый корпус подлодки.

Всё глуше и глуше стучатся сердца
В титановый корпус подлодки.

- Папа Петя, мне кажется, или что-то сверху скребётся?
Прислушался. Тишина.
- Спи. Экскаватор услышим. Немного осталось потерпеть.
- Пить хочу.
- Ну, ты взрослая девочка. С водой плохо. Держи вот мерло это.
И Таня проснулась.
- Костёр приснился. А на нём – котелок с ухой. Папа, а огонь – это что?
- В смысле? Что – «что»?
- Ну, мы в школе проходили. Огонь – это энергия или материя?
- А вам не объяснили?
- Да там один дебил начал в Машу из трубочки рисом стрелять. Она встала и врезала ему по уху. Нас, всех троих, и выгнали с урока.
- Дела! а тебя-то за что? – и не сказали ведь.
- Дак я ему тоже учебником физики по башке дала.
- Значит, за правду пострадали. Ладно, тогда скажу. Огонь – это светящийся дым. Получается, что это материя.
- То есть это не некая субстанция «огонь». Это дым, частицы которого разогреты так сильно, что светятся.
- Понаблюдайте за дымящим без огня костром. Все, что отличает этот дым от огня – это только более низкая температура.
- Папа Петя, а вроде опять сверху кто-то скребётся.

Глава 4

Интермеццо третье

В одесском порту стоит пароход, на борту надпись: «На Израиль». Евреи идут на него сутки, вторые. На третьи сутки один пожилой еврей подошёл и спрашивает матроса:

– Он у вас что, безразмерный?

– Нет, он у нас бездонный.

– Вольф Исаакиевич Эйдельштейн? – мужчина посмотрел на паспорт (израильский), но назвал того на русском языке, по имени и отчеству.

– Да, – Вольф Эйдельштейн уже и язык этот забывать стал.

– Премьер-министр поручила мне встретиться с вами и переговорить о, как это называют русские, «командировке» в СССР.

– Неожиданно.

– Тут вот написано, что у вас в Советском Союзе осталась жена и сын. Тут вообще много о вас написано, – мужчина был почти лыс, а в кабинете, куда вызвали Вольфа, было жарко, и капельки пота выступили на лысине. Не очень приятное зрелище. Незнакомец перехватил взгляд и заметил чуть скривившиеся губы Эйдельштейна. Вынул из кармана серого, чуть мешковатого, чуть помятого пиджака носовой платок и промокнул пот. – Жарко. Ходят слухи, что для управления закупили во Франции кондиционеры. Значит, привезут к осени, когда жара спадёт. Так вот: в этой папке собрано небольшое досье на вас.

Не представившийся ещё сотрудник «Моссада» закрыл папку. Нарочито отодвинул её, потом посмотрел на Эйдельштейна, взял в руку и, открыв ящик стола, засунул папку туда. С такой же нарочитостью громко задвинул ящик.

– Лучше вы мне сами о себе расскажите.

– Простите, а как мне к вам обращаться? – Вольф поправил очки, потом снял их и тоже достал платок – запотели. И жара, и волнение.

Сюда, на бульвар Шауль Ха-Мелех, его выдернули посреди рабочего дня. Он сидел у себя в кабинете и оформлял документы на поставку кальциевой селитры в кибуц Хефци-Ба, один из старейших в Израиле, когда за ним приехали двое в похожих серых пиджаках. По большому счёту, Вольфу Эйдельштейну опасаться было нечего. Да, он состоял членом движения «Херут», но вступил в него после того, как Иргун Цваи Леуми, сокращённо Эцель – еврейская организация, действовавшая на территории Палестины – вышла из подполья и стала этим самым политическим движением. Активистом не был – просто считал, что мужчина должен защищать свой дом и свою семью.

Чуть успокаивало, что на двери, в которую его завели, было написано «Учебный отдел». Это лучше, чем печально известное Управление психологической войны и дезинформационных акций (Лохама психологит).

– Называйте меня – Михаил Соломонович, – сделал вид, что улыбнулся, лысый.

– Родился я в 1907 году, – сколько раз ему приходилось уже рассказывать свою биографию. Непростую. Так ведь Израиль! Тут, наверное, и не существует людей с простой биографией. – В городе Костополь. Это – Западная Украина, тогда Польша, сейчас Ровненская область. Отец – Ицхак Эйдельштейн. Мать – Ривка Эйдельштейн. Они владели фабрикой по производству мебели и стройматериалов, работало на ней двести человек. Была даже железная дорога, отправляли по ней в Европу готовую продукцию. Дела шли хорошо до тех пор, когда

началась первая мировая война, а затем и революция в России. В 1918 году немецкие войска, занявшие Костополь, нашу фабрику сожгли.

Позднее, когда Западная Украина отошла к Польше, отец восстановил бизнес – но содержать фабрику стало крайне убыточно. Сложные времена – в Европе разруха, и желающих покупать новую мебель было немного. Я получил среднее образование в родном городе, в 1925-м году поступил в Гренобльский университет во Франции. Решил учиться на коммерческом отделении юридического факультета. Там я жил до 1932-го. Мог бы стать французским эмигрантом, но известие о плохом здоровье матери заставило вернуться в Костополь.

Через семь лет после этого Западную Украину заняла Красная армия. Наша фабрика была национализирована, та же участь постигла и дом, где мы жили. Началась полная советизация украинских земель. Закончилось она насильственной коллективизацией и репрессиями. Меня, как члена зажиточной семьи, в 1941 году отправили в трудовой лагерь в Алма-Ату. Там присвоили статус свободного поселенца и устроили на работу.

– Тут, – лысый Михаил Соломонович ткнул пальцем в стол, – написано: «вместе с братом».

– Так и есть, вместе с братом Аароном. Он сейчас тоже в Тель-Авиве.

– Мы навели справки. Продолжайте. И поподробнее о семье.

Эйдельштейн чуть напрягся. Семья? Нда. Как там в поговорке: «Не мы такие, жизнь такая».

– Одно уточнение. А вы эти семь лет чем занимались? – Соломонович, взял оранжевую шариковую ручку и подвинул к себе блокнот.

– Наша семья владела приличным наделом земли. Я выращивал хмель, а также руководил работой трёх цехов, которые проводили первичную обработку дерева для изготовления фанеры на фабрике отца. Забегу чуть вперёд. Отец закупил в Италии оборудование для одного из цехов. Ну, я, как вернулся, навёл справки, где оно сейчас – оказалось, что эти земли в сорок первом захватили не немцы, а итальянские фашисты. И почти всё оборудование вывезли в Италию. «На Родину».

Михаил Соломонович оторвался от писанины и скривил тонкие губы.

– Вернёмся попозже к этому вопросу. Посмотрим, что можно сделать. Давайте снова к пребыванию в Алма-Ате.

– По привычке все Верным называли ещё. Меня устроили на работу в лесной отдел Туркестано-Сибирской железной дороги. Моим начальником был Андрей Владимирович Жириновский. У него была большая семья – жена и пятеро детей, а вот здоровье было не очень, туберкулёз в последней стадии. Работали вместе, он приглашал на праздники. Я-то один жил, так что довольно часто приходил к ним. В июле 1944 года Андрей умер, его жена Александра осталась одна с маленькими детьми, без работы и денег. Я поддерживал её, стали ещё чаще общаться – и, в конце концов, поженились. В 1946 году у нас родился сын Владимир, только я его не увидел. Нас с братом в это время запикивали в вагон. Депортировали в Польшу. На вокзал прибежали родственники жены, сказали, что родился сын. Скорая не успела приехать, и пуповину перерезал брат Александр.

– Знаете, Вольф Исаакиевич, я точно так же родился. Не успели врачи, дядя принимал роды, хоть был раввином, а не врачом. Извините. Продолжайте, – сотрудник «Моссада» снова за ручку взялся.

– Александра в июне 1946 года поехала ко мне в Польшу, чтобы показать мне Володю, малышу тогда было всего три месяца. Она со мной прожила несколько недель, но в советском посольстве ей запретили долго оставаться. Александре пришлось вернуться в Казахстан. Я очень хотел с ней уехать, но не пустили. Следующие несколько месяцев мы вели переписку, но в сентябре 1946-го я написал жене о том, что в СССР плохо относятся к тем, кто контактирует с границей. Сообщил, что не хочу её подводить, а поэтому переписываться больше не

буду. Больше об Александре и Владимире я ничего не слышал. В 1949 году репатриировался в Израиль.

– Спасибо, господин Эйдельштейн. Дальнейшую вашу судьбу мы изучили.

– Михаил Соломонович, а можно хоть узнать, зачем вам я понадобился?

Лысый ещё раз промокнул макушку от пота, и каким-то извиняющимся жестом развёл руками.

– Понятия не имею. Может, слышали – тут приезжала делегация из СССР во главе с членом Политбюро и первым секретарём ЦК компартии Казахстана. Чисто экономические вопросы, никакой политики. Так вот: потом меня вызвали к Премьер-министру, и Голда Меир мне сказала, что господин Тишков, глава делегации, просил проработать вопрос о подборе и поставке удобрений для некоторых колхозов вблизи Алма-Аты, занимающихся выращиванием табака. Ну, это ладно – хотя и сомнительно, что в СССР нет таких специалистов. А вот дальше... Он попросил, чтобы этим занялся некий агроном Вольф, который был женат на Жириновской. Неделю вас разыскивали. Есть соображения? Что у вас общего с этим человеком, и почему он не знает вашей фамилии?

– Загадка. Ничего не слышал про Тишкова. А вы знаете... есть общее.

– Вот как? – напрягся лысый.

– В Алма-Ате живёт жена с сыном. Ну, может, жили.

– Ничего не объясняет. Загадка – это вы, «товарищ» Эйдельштейн. Ладно, собирайтесь – вы летите в СССР.

Интермеццо четвёртое

*Известного фокусника Дэвида Копперфилда заковали в наручники,
связали, зашили в мешок, поместили в металлический ящик и заварили.
Всю эту конструкцию с вертолётá скинули в Ниагарский водопад...
К сожалению, секрет фокуса Дэвид унёс с собой.*

Жизнь Джина Минго сделала столько крутых поворотов, что он уже перестал удивляться. Простой чернокожий парень из Акрона, штат Огайо, в детстве ни на что особенно не надеялся. Нищая семья, крохотная съёмная хибарка, школа от случая к случаю – её он так и не закончил. Пробовал играть в американский футбол, но для серьёзных занятий нужны были хоть какие-то деньги, а их не было – скопить удалось только на самый дешёвый мяч, и он часами бил по нему, стараясь перекинуть через крышу родного домишки. Как известно, в американский футбол играют в основном руками, а бьют по мячу, только когда исполняют так называемые «реализации», и для этого в каждой команде есть специалист. НФЛ в те годы была ещё в основном лигой белых спортсменов, а уж «кикеры» все поголовно были парнями из приличных семей европейского происхождения, обычно из тех, кто занимался футболом традиционным. Надеяться на подобную карьеру молодому негру было бы просто глупо – и тем не менее, он усердно занимался любимой забавой, а в свободное время околачивался в автомастерской соседа и научился кой-что делать руками.

Не зная, куда податься к восемнадцати, Джин решил пойти служить и завербовался в морской флот, надеясь пристроиться куда-нибудь к мотористам или боцманам – но там его случайно заметил тренер футбольной команды и оценил его необычное мастерство. Уже скоро он представлял флот в армейских турнирах, а после дембеля наудачу написал письмо в команду НФЛ из Колорадо и неожиданно получил профессиональный контракт. К тридцати годам Джин Минго так и оставался первым и единственным негром-кикером во всей НФЛ, но человеком он был легкомысленным, особенных сбережений не сделал, а впереди уже маячила спортивная старость – и тут в США начались волнения среди чернокожих. Джину не предложили нового контракта, и вообще будущее профессионального спорта на ближайшую пару лет казалось окутанным густыми тучами. Не до развлечения будет в издёрганной восстанием стране.

В этот момент Джин и услышал от кого-то, что в Джорджии негры организовали своё фермерское хозяйство, куда принимают всех желающих честно работать на земле, собрал свои скудные манатки вместе с пожитками и направился на Юг, надеясь устроиться трактористом или шофёром. Только он успел приступить к работе, как ферму New Communities разорили «Чёрные Пантеры». И опять вопрос: куда деваться? Казалось, что на этом континенте уже нет места, где мирные негры могли бы спокойно жить и трудиться, ни с кем не ругаясь и не воюя. Минго вспоминал свою жизнь на флоте и в спорте – там к нему зачастую относились пренебрежительно даже «товарищи» по команде и соседи по кубрику. Среди всех белых футболистов только одного он мог назвать другом – это был звёздный ресивер «Окленда» Фред Билетникофф. Фред был русским, его семья жила в Пенсильвании, где Минго последнее время играл за «Питтсбург», Джин даже пару раз бывал у них в гостях и знал, что отец Фреда Снуки – важная фигура среди русских американцев. Именно Минго подкинул Чарльзу Шерроду идею податься со всеми колхозниками к русским, потому что знал, что его друзья никогда не обижали негров, и надеялся, что другие русские, которых в Пенсильвании много, не будут против таких соседей. И всё же он даже не подозревал, чем в итоге обернётся эта затея и куда она его занесёт.

Через месяц Джин с раскрытым ртом ходил по огромному городу Сент-Питерсберг, как его звал Снуки, или Ленинград, как он назывался здесь теперь. Это был самый красивый город, который Минго видел в своей жизни, но тут было ужасно холодно – слава богу, что жить им

предстоит где-то намного дальше на юг. Наивный – он даже не предполагал, что в Средней Азии зимы бывают ещё похлеще балтийских. Ещё месяц, и вот он уже слоняется по заснеженным улицам Алма-Аты в белом бараньем полушубке и лохматой шапке, начал привыкать к сытным мясным кушаньям, которыми славятся казахи. Джин сначала думал, что жить придётся среди казаков, и очень удивился, когда его новыми соседями вместо огромных бородатых мужиков в папах и с ножами в зубах стали невысокие восточные люди. Джин видел в жизни не так много азиатов, все местные казались ему похожими на известного актёра Джорджа Такеи, и голова от этого порой шла кругом. Впрочем, его чёрная физиономия удивляла их намного больше, но они были весьма дружелюбными ребятами.

Американских колхозников расселили по пустующим из-за зимнего времени санаториям и лагерям в пригородах Алма-Аты, а по весне обещали каждой семье собственный домик и работу в новом хозяйстве, где-то в местечке со странным названием Choonjah. Непривычные к холодам и шокированные новыми впечатлениями негры в основном безвылазно сидели по своим номерам, выбираясь только поесть и посмотреть на снег, но немало повидавший в сравнении с другими Джин не мог столько бездельничать – ему было интересно узнать, куда на этот раз его занесло. Так далеко от родных краёв он ещё никогда не забирался, и всё здесь казалось поразительным. Как-то, дотопав пешком от санатория до предместья Алма-Аты, Минго встал как вкопанный: на его глазах из-за здания большой автомастерской с громким тарахтением взмыла в небо смешная стрекоза, как будто связанная из тонких прутьев. Этим странным сооружением правил сидящий в открытой кабине – да нет, пожалуй, просто на лёгком стульчике – пожилой мужчина. Увидев негра, который, задрал голову и не заметив, что с неё свалилась шапка, с разинутым ртом наблюдал за полётом, пилот приветливо помахал ему рукой.

Ещё через месяц Джин Минго напрочь забыл о том, что хотел работать трактористом на ферме. Оказавшийся, вот ведь история, русским американцем мистер Бенсен предложил ему немного поработать помощником в мастерской, раз делать экс-футболисту пока всё равно нечего, и Джин не раздумывал ни минуты. Он, конечно, ничего не понимал в таких вещах, как «подъёмная сила» или «автомат перекося» – он и читал-то не слишком уверенно, – но управляться с инструментами и чётко выполнять, что сказано, он привык ещё на флоте. Кроме того, талантливый спортсмен имел прекрасную координацию и вестибулярный аппарат, и Бенсен стал учить его управлять «стрекозой». Путешествие в таинственный Казахстан обернулось для Джина чудесным сном, и он больше всего на свете боялся проснуться в своей квартирке в Питтсбурге и услышать очередной звонок от бывшей жены, решившей от скуки ещё немного попилить его за поломанную на взлёте молодую жизнь. Интересно, а тут, в Советском Союзе, бабы такие же дуры? Нет, наверное, всё-таки другие. Может быть, даже и не дуры. Вся жизнь впереди – доведётся ещё узнать.

К весне на Бенсена стали поругиваться жители окрестных домов – тарахтение его вертолёта над головами совершенно не вписывалось в их взгляды на то, как должна идти размеренная восточная жизнь. К тому же становилось жарковато, а в жару лопасти вертолёта, особенно такого маломощного, плохо цепляются за ставший менее плотным воздух. Тогда Игорь Васильевич и Джин стали выезжать на испытания подальше в горы – там воздух хоть и разрежённый, но хотя бы относительно прохладный, к тому же можно летать хоть ночью – никого не разбудишь. Президент Тишкофф (американцы так и обзывали Петра президентом, как он ни ругался и ни возмущался) даже помог им купить у военных списанный грузовичок, который назывался смешным словом «шишига». Машинка имела ужасно неудобную и тесную для здоровяка Джина кабину, но проходимость у неё была потрясающая, и на ней можно было без труда завести вертолёт на высокий холм и стартовать оттуда. Тот же Тишкофф отбил испытателей у офицеров местного ФБР, которые почему-то решили, что авиаторы собираются непременно улететь на своём сооружении в Китай, и добился того, что им разрешили хоть до посинения летать на своей кофемолке над предгорьями Алатау.

В тот день Игорь Васильевич и Джин выехали в горы затемно. В Алма-Ате третий день отмечали какой-то большой русский праздник. Было очень здорово – везде флаги, шары, весёлые нарядные люди. Джину хотелось отдохнуть вместе со всеми, но Бенсен всё-таки уговорил его поехать полетать. «Шишига» взобралась на невысокую горку, под которой текла быстрая речка. С горки виднелся стоявший недалеко от берега небольшой коттедж, а рядом с ним стояла очень красивая машина – Джин уже знал, что это авто самого президента, другой такой в городе не было. Он даже испугался и предложил Бенсену полетать где-нибудь в другом месте, но Игорь Васильевич засмеялся и заверил его, что мистер Тишкофф на них не обидится. Он даже задумал слетать к президенту в гости, когда рассветёт.

Всё случилось очень быстро, и это было ужасно. Светало, Бенсен и Минго готовили «стрекозу» к полёту, когда до них донёсся сначала негромкий «бум», а потом, почти сразу – нарастающий, грозный, пугающий грохот и рёв. И тут они увидели сель. Масса камней и грязной воды мчалась по руслу реки, сметая всё на её берегах. Схватив друг друга за руки, Игорь Васильевич и Джин с ужасом смотрели, как эта громада неумолимо несётся к дому президента. Минго поднял к глазам морской бинокль, который когда-то купил ещё матросом, для форсу, и увидел, как от берега реки к дому бегут две фигурки – большая и маленькая. Какой кошмар! Их же сейчас снесёт! И никак не успеть долететь и спасти, даже если бы мотор уже был запущен!

Джин издал вопль отчаяния и заметался. В чувство его привела только оплеуха и яростный крик Бенсена. Босс за руку подвёл его к «стрекозе», вlepил еще пару пощёчин и проорал:

– Да соберись ты, чёртова размазня! Живо лети в город, расскажи, что случилось, и приведи помощь! Это сель! Место запомнил? Склоны осыпались, спасателям трудно будет найти!

– Сэр, а как же вы?!

– Плевать на меня! «Стрекоза» двоих всё равно до города не донесёт, гробанёмся по дороге! Я буду ждать здесь, и только попробуй не вернуться с подмогой! Давай, go, go, go!

Заливаясь слезами, Джин кое-как натянул шлем и застегнул ремни. Бенсен дёрнул стартер, отбежал и замахал руками. Через несколько секунд «стрекоза» взлетела и, болтаясь в воздухе, как пьяная, направилась в сторону Алма-Аты. Держась за сердце, Игорь Васильевич осел на камень, перекрестился и посмотрел вниз. Маленькая равнинка, на которой стояла дача Тишкова, перестала существовать. На её месте громоздились валуны, и Бенсен даже не представлял себе, сколько футов их навалило. Метров? Аршин? Тыфу, пропасть, о какой ерунде думается в такую минуту! И ведь что самое дикое: сметя дом президента, сель будто насытился, раздался в ширину, прокатился лишь немного дальше и успокоился. До города беда не дошла. «Спасибо и на этом, Господи! – пробормотал авиатор, в детстве мечтавший стать священником. – Но, молю Тебя, непусти гибели этого удивительного человека – он столько ещё не сделал!»

Утром 3 мая 1969 года возле Дома Правительства на Комсомольской случился небывалый переполох. С неба на газон возле здания ЦК Компартии Казахстана рухнул несуразного вида летательный аппарат, с пилотского места соскочил здоровенный негр и, размахивая руками, побежал ко входу с криком:

– Мэйдэй! Мэйдэй! Президент Тишкофф! Бьеда! Дизастер! Лэндслайд! Помогите! Лэндслайд! Лэндслайд!

Навстречу удивительному посетителю из вестибюля бросились охранники, но остановить разогнавшуюся экс-звезду НФЛ было непросто. Поймать нарушителя и повалить на землю смогли только впятером. Пока ему крутили руки, негр плачущим голосом продолжал голосить:

– Мэйдэй! Президент Тишкофф коттедж! Лэндс... Съел! Съел! Бьеда!

– Кто съел? Кого съел? Да ты что несешь-то такое?

– Ноу съел! Ноу съел... С-Э-Л! Упал с гора! Вода, стоунс... Надо хелп! Президент будет умер! Дэд!

– Сель?!?! Где? Когда? Так вот что за шум был! Товарищи, беда! Сель сошёл!

Джина отпустили, отряхнули, провели в здание, дали воды. Прибежал кто-то владеющий английским. Через пару минут, после того как первый шок сошёл, ЦК разразился вихрем бурной деятельности. Джин успел попросить человека, который переводил, дать ему позвонить по телефону. В новом колхозе в Чундже связь уже была.

– Алло! Кто это? Уэлчел? Это Джин! Что?!! К чёрту твою пахоту! К чёрту твой долбанный арахис, жопа ты козья! Да, и тебя самого к чёрту, я тебя тоже нежно люблю! Собирай всех парней покрепче, и живо в Аламэду! Кирки, лопаты возьмите! Президента завалило в горах!

Через четыре часа в Алма-Ату с востока на полном газу ворвалась удивительная автоколонна. Состояла она из замызганных колхозных «газиков», а кузова их были, как горохом, набиты неграми в соломенных шляпах и драных джинсовых комбинезонах. Колонна отчаянно бибикала, улюлюкала и вопила на тарабарской смеси трёх языков. Впереди на пикапе с украшенным рогатым черепом яка радиатором гнал во всю железку председатель колхоза «Атланта» Уэлчел Лонг. Колхозники вместе с алма-атинским отрядом пожарной охраны первыми отправились на ликвидацию последствий стихийного бедствия.

Глава 5

Событие четвёртое

– У нас вчера землетрясение было!

– Ну и как?

– Потрясающе.

В ту минуту, когда в долине Малой Алматинки сошёл сель, на посадку в аэропорту Алматы уже заходил правительственный борт. На нём прибыл в Казахстан член Политбюро ЦК КПСС Георгий Максимилианович Маленков – инспектировать строительство Капчагайской ГЭС.

За те десять лет, что Маленков пробыл вне большой политики на вынужденной пенсии, он утратил полноту и жовиальность, которые придавали ему вид добродушного и даже где-то легкомысленного человека. Теперь это был старик с длинными седыми волосами и пронизывающим взглядом выцветших глаз. В новом составе Политбюро у него не было какой-то определённой должности – фактически, он стал личным порученцем Косыгина с почти безграничными полномочиями. Алексей Николаевич использовал это оружие массового поражения только на самых ответственных направлениях – одно появление человека, который твёрдо ассоциировался со Сталиным, заставляло руководителей на местах судорожно сглотнуть, вытянуться по струнке и начать перебирать в уме все свои реальные и даже только ещё планируемые грешки. Его не на шутку боялись – но мало кто знал, что Маленков в своё время пытался проводить линию на независимость правительства от изгибов партийной линии, и был в итоге вычищен Хрущёвым сперва с должности предсовмина, а потом и вовсе из власти. Человек, который и в войну, и после неё тянул на себе гигантские, критически важные для страны проекты, был выброшен на свалку истории. Косыгин воспользовался моментом смятения после инфаркта Брежнева и почти походя привлёк в Политбюро этого ископаемого, но, как выяснилось, вполне живого и деятельного мастодонта с колоссальным авторитетом. Шелепин потом не мог понять, как согласился на это, почему не почуял подвоха – но было поздно. Хозяйственники и примкнувшие к ним силовики получили несокрушимый вес в ЦК.

И вот теперь Георгий Максимилианович сидел в кабинете Первого Секретаря ЦК Компартии Казахстана и буравил глазами стоявших перед ним навтыяжку строителей, взрывников, геологов и прочих ответственных за работы над селеплотиной. Временно принять дела в Алма-Ате, пока не выяснится, что с Тишковым, ему поручил Шелепин, но Маленков явственно слышал, что подрагивающий голос «Шурика» в трубке «вертушки» звучит на фоне знакомого ворчливого бормотания Косыгина.

– Ну, и как же вы это объясните, товарищи? Как так вышло, что вы вели взрывные работы в праздничный день, не обеспечив безопасность людей, не посчитавшись с возможными рисками, не оповестив ответственные органы и не согласовав свои действия? Потрудитесь объяснить эту дикую, немыслимую халатность!

– Товарищ Пе... Ге... эээ... Товарищ Маленков! Этого не должно было произойти! – как в прорубь, ухнул управляющий трестом «Казахвзрывпром» Израиль Яковлевич Иттер.

– Не удивили! Ещё не хватало, чтоб подобные бедствия случались по плану! А конкретику какую-то можете предложить?

– Это рутинная работа... Понимаете, мы запланировали и успешно провели совсем небольшой подрыв! Как вы знаете, нам дали добро на проработку операции по наращению высоты селезащитной плотины. После завершения предыдущего этапа наброса на склонах

образовались выступы... такие утёсы. Они очень неудачно расположены, их необходимо аккуратно обрушить, чтобы при взрыве на плановую мощность они не полетели куда не надо. И именно такую операцию мы выполняли!

– Так вот же он и полетел у вас куда не надо! Я не геолог – объясните мне, как мог образоваться сель, если, как вы говорите, работа была незначительных масштабов?

– Мне неловко и... страшно говорить такие слова, но, товарищ Маленков, – заговорил президент Академии наук Казахстана Шахмардан Есенович Есенов, – это чудовищное, невероятное совпадение. Стечение обстоятельств, которое случается раз в миллион лет. Мы получили данные с Алма-атинской и Илийской геофизических станций... Если сопоставить их и информацию от взрывников, то получается, что через две-три секунды после подрыва и обрушения скальной породы в районе селеплотины произошёл подземный толчок. Естественного происхождения, не из-за взрыва. Не более трёх баллов – такое даже человек обычно не может отчётливо ощутить. Плотина рассчитана на гораздо более сильные землетрясения, но...

– Ну, ну? – Маленков совершенно не был настроен спускать этот вопрос на тормозах. Для Капчагайской ГЭС тоже в это время строилась плотина, и было недопустимо теперь где-то ошибиться. Уже было понятно, что с этим селом городу очень повезло, пострадали только турбазы и спортплощадки выше в горах, но... погибли люди. И Тишков. Что с Тишковым? Неужели этот человек, разворошивший своими странными и непонятными делами всю верхушку страны, вот так глупо, дико погиб? Георгий Максимилианович был с ним едва знаком, но его энергия поражала. Есть ли шанс, что?..

– Это не все совпадения. Вы, наверное, не знаете, но эта зима в Казахстане была самой холодной за всю историю наблюдений. В горах накопилось много снега и льда, они долго не таяли. Потом дождливая весна. Вот буквально неделю назад установилась жаркая погода, и водоёмы в горах снова стали наполняться. Раньше моренные озёра над городом выкачивали, а после того, как построили плотину, почему-то перестали...

– Это мы выясним – почему. Продолжайте.

– В плотину пошла вода, была даже замечена небольшая фильтрация по другую сторону. Ничего опасного, она на это рассчитана – но тело плотины из-за этого стало немного пластичнее. Потом импульс от обрушенного утеса... и почти одновременно с ним – подземный толчок... Если бы не было хоть одного из этих факторов, ничего бы не случилось! Поймите, мы пока не умеем предсказывать землетрясения!

– И в итоге...

– И в итоге оползла часть склона плотины, направленного в сторону города. Не более полутора-двух процентов общего объема. Оползень прошёл вниз, по дороге частично уничтожил сооружения старого стадиона «Медое», который сейчас готовится к реконструкции, масса породы и грязи дошла до реки, и всё это превратилось в сель. Совсем небольшой сель... но...

– Хорошо, допустим. Но как получилось, что товарищ Тишков не был оповещён о ваших планах? Нельзя поверить, чтобы он повёз семью туда, где хотя бы теоретически возможно такое! Да и людей бы он наверняка приказал в долину реки вообще не пускать – а тут сотня погибших! Ответьте! Это уже вопрос государственной важности!

– По-по-нима-а-а-е-те... – заблеял кто-то из высокопоставленных строителей. – Ещё Димаш Ахмедович... товарищ Кунаев... он держал всё наше строительство под контролем, но очень возмущался, когда мы его дёргали по рутинным вопросам. Пётр Миронович был у нас на объекте. Он сразу сказал, что в нашей области ничего не понимает, и что готов все профессиональные вопросы оставить полностью на наше усмотрение... кроме финансовых. Он продвигал все наши требования ещё быстрее, чем товарищ Кунаев, царс... эээ... вот. Товарищ Тишков даже купил нам немецкий грейдер! Дорога на стройку наконец нормальная появилась, не как на чёртовой телеге! Мы не могли... не смели его беспокоить. Правду говорит товарищ Иттер – это же абсолютно рядовая операция! Если бы мы хоть знали, что Пётр Миронович там будет

отдыхать! Но ведь и Димаш Ахмедович почти не бывал на этой даче – он любил Северный Казахстан, мы ему там построили чудесный дом на озере под Целиноградом.

– Ну хорошо, а что на этой-то даче с матчастью? Это же правительственный объект, там должно быть бомбоубежище, незаваливаемые выходы, система автономности. Это есть? Каков шанс, что Тишковы спаслись?

– Да нет там ничего! Это просто летний домик, товарищ Кунаев туда изредка выезжал на вечер подышать, и всё! Из неучтённых фондов построили, не то, чтобы тят-ляп, но быстро, просто, без изысков. Только пока ремонт на северной даче шёл, он туда свои трофеи перевёз, а так почти не бывал... вот и обратно вернуть уже не успел.

– Да-а-а, товарищи... Ну что ж, свободны пока. Каждый час докладывать. Нет, подождите – вы мне скажите, как так получилось, что весь город уже знает про Тишкова? Откуда это утекло? Тут у вас за малым не паника!

– Ох, это целая история... трагикомическая.

Событие пятое

Ответ на вопрос «Будет ли объект сдан в срок?» был написан прямо на заборе стройки.

Как любит повторять один мой знакомый маляр: «Не одежда красит человека, а человек – одежду».

- Так, тихо все! – Пётр цыкнул на заговоривших одновременно девок, и прислушался. Никто не скрёбся. Полежали молча пару минут – тихо всё. Как в подземном бункере. Стоп! Точно, на пределе слышимости какой-то звук.
- Вот! Слышали?! – Маша-Вика, наверное, подняла руку с поднятым указательным пальцем. Не видно.
- Слышали, – Пётр уже совсем было обрадовался, но тут мелькнула в голове пугающая мысль.
- Стандартная длина плиты перекрытия – двенадцать метров.
- И что? – в три голоса, даже Юра потом пискнул: «И сто?»
- Длина подвала – около восьми метров. И лежат точно промышленные плиты.
- Папа Петя, не пугай. Зачем нам эта информация?
- Плиты обломали. Отрезали. Ну, в общем, укоротили.
- И что?! – опять в три голоса.
- Нарушили целостность. Это не скребутся снаружи – это плиты трещат. Я сейчас не смог открыть дверь в кладовку.
- Нас завалит? – Лия одна. Умолк хор.
- Посветить бы, – вот зачем курить бросил?
- Надо побить батарейки, – вдруг выдала Таня. – Мы так в школе в Москве делали.
- Точно! – Пётр схватил фонарик, лежавший на углу помоста, и вытащил из него две толстенькие батарейки в алюминиевом корпусе.
- Осторожно, стержень не сломай, – брякнула под руку жена.
- Лия!
- Всё-всё.

Аккуратно стал бить их об железный уголок стеллажа. Хотел после нескольких ударов попробовать, но остановил себя. Ещё постучал, пока чётко не стали прощупываться вмятины. Стал вставлять – понял, что переусердствовал. Вторая батарейка не хотела залезать в трубку фонарика. Снова постучал, стараясь придать ей цилиндрическую форму. Влезла. Пётр нажал на кнопку. Мигнул, а потом загорелся. Получился хоть и довольно тусклый, но лучик света. Направил вверх.

Твою ж! Прямо над ними вся плита была в трещинах – и продольных, и, что самое паршивое, в поперечных. Посветил на соседнюю – та цела. А вот с другой стороны – опять вся в трещинах.

- Плохо дело, девочки и мальчики.
- Обрушится? – ну вот, уже слёзы. А чего ждал – звонкого детского смеха?
- Спокойно, Таня. Не реви. Сейчас перебазировемся вон в тот угол. Давайте, потихоньку спускаемся. Лия, ты последняя, я фонарик включу, Юру мне подашь.

Спустились и стали двигать стеллажи в угол. Пётр сначала ещё раз, в опять меркнушем свете, осмотрел плиты. Две целые были с краю – как раз на противоположной стороне от кладовки. Туда совместными усилиями, даже без помощи чьей-то матери – дети ведь, – через пять минут все стеллажи и оттолкали. Пётр при этом умудрился грохнуться – наступил на одну

из свалившихся зажигалок Кунаева, и нога проскользнула. Опять тем же невезучим локтём в кафель пола впечатался. И только что сам ведь сокрушался, что не курит, а тут снова так захотелось курильщиков «отблагодарить»! Пошипел.

Залезли. Ворочались, устраиваясь поудобнее. И только уgomонились, как тут же и вправду услышали скребущие звуки. И даже через пару минут вроде бы рёв двигателя. Нашли! Нашли!!!

И сразу треск. Плиты всё же не выдержали.

Событие шестое

*Мальчик в песочнице тихо играл,
Сзади бульдозер к нему подползал.
Мальчик не стал дожидаться чудес,
Сам подбежал и под трактор залез.*

Оторвать Джина Минго от рычагов бульдозера было непросто. Трактором-то он и так мог управлять, и довольно неплохо. Есть, понятно, разница. Так и хочется руками в руль вцепиться. А нету! Ну, научился. Дядя Ваня, что управлял большим бульдозером Т-180, даже пару раз по рукам Джину бил, а один раз, когда тот вместо того, чтобы поднять нож, начал разворачивать тяжеленного пятнадцатитонного рычащего монстра в сторону полевой кухни, так и оплеуху отвесил.

Не обидно, за дело ведь. Повар-сержант, тоже Ваня, попятился и обжёг руку о котёл. Потом, когда насыпал улыбающемуся всеми двадцатью двумя белыми зубами бывшему футболисту (остальные на поле оставил) перловой каши с мясом, покачал головой и продемонстрировал перевязанную руку. Но кашей не обделил – как и всем, два полных черпака в котелок бухнул. На флоте их почти не кормили кашами – картошка, хлеб, котлеты, жареные колбаски. Не умрёшь с голоду. Каши Джин вообще недолюбливал, но вот эту, приготовленную Ваньей, ел с удовольствием, тем более – после работы на свежем воздухе. Ещё Минго после смены на бульдозере шёл и ковырял землю лопатой вместе с колхозниками под руководством Уэлчела Лонга.

Вообще к Джину здесь относились хорошо. Даже порой тот или иной большой начальник в генеральском мундире или красивом костюме, проходя мимо, похлопает по плечу (если дотянется) и палец покажет. Молоток, мол. Дядя Ваня потом показал молоток. Почему они его этим обзывали, не понятно. Наверное, из-за формы головы – они у всех в их семье вытянутые, отличительная черта клана Минго.

Работали на бульдозере по два часа, потом менялись. Нелёгкая работёнка. Ещё хорошо, когда участок без больших валунов – а в основном как раз их монстра использовали там, где нужно убрать огромный камень. Тяжёлое занятие, даже у их громадной машины часто не хватало силёнок. Тогда пытались сдвинуть камень двумя бульдозерами. Второй два дня ремонтировали, совсем в это время тяжело было. Повредили ходовую серьёзно, когда вертолётom его сюда забрасывали. День и ночь слесаря вокруг него ползали. Вот, на второй день завели, и с огромными валунами стало легче справляться.

Уже на вторые сутки после начала работ от первоначального плана – откопать экскаватором фундамент дома, где находился президент Тишкофф – отказались. Полужидкая смесь ила, земли и камней стекала в выкопанную яму, и нужно было начинать всё с начала. Тогда стали снимать пластами – и вот тут остро встала проблема больших валунов. Кабы лежали себе на поверхности – и проблем бы не было, оттолкал бульдозером – и можно опять эти смешные экскаваторы запускать. Так нет! Взрывники определили, что слой селя – от пяти до семи метров, и эти каменюки закопаны на разных глубинах. А ещё, хоть Джин и указал точно место, где видел смешной домик президента, но всё так изменилось, что на сто процентов военные не были уверены, и размер участка, где снимали слой за слоем жидкую грязь и камни, увеличили раза в три.

И каждый день к спасателям добавлялись всё новые и новые добровольцы. Люди прилетали на вертолётках, приезжали на машинах, и даже приходили пешком из Аламэды с лопатой или киркой. На третий день, когда карьер, что они копали, углубился метров на пять, ночью

случилось несчастье. Одна из стенок обрушилась и погребла под завалом бульдозер ДТ – 75 и человека, что им управлял. На счастье, его быстро достали. Перелом обеих ног и руки – но жив. Вертолётom доставили в город. Пришлось ещё чуть увеличить размеры котлована и делать стены более пологими.

Сегодня шёл уже шестой день. Вернее, сейчас была ночь, и шли шестые сутки. В одном месте, почти в центре котлована, смешные экскаваторы уже докопались до земли. Джин отработал свои два часа и поехал меняться. Что-то дёрнуло его, и он взял чуть левее, по нечищенной сегодня территории. Уже почти проехал до пологого подъёма, как вдруг его железный дракон начал проседать. В первое мгновение бывший футболист подумал, что бульдозер заехал на камень – однако, несмотря на добавленный газ, наклон не выровнялся, а лишь увеличился. Что случилось, Джин понял, когда уровень земли оказался у него прямо перед глазами.

А потом огромный бульдозер рыкнул и полетел вниз. Недолго – почти сразу он ударился обо что-то твёрдое и стал заваливаться на бок. Джин рванулся наверх, но не успел. Лишь одну ногу выдернул. Вторую тут же пронзила острая боль. Рука автоматически повернула стартер, и монстр заглох, лёжа на боку, а Джин Минго потерял сознание.

Глава 6

Интермеццо пятое

Серьёзные перестановки в Кабинете Министров: теперь кактус стоит справа от входа.

Косыгин снова засиделся на работе за полночь. Удивительное дело: чем сильнее устаёшь, тем труднее оторваться от работы, чтобы наконец пойти отдыхать. Так вот иногда и придёшь в себя среди ночи, держа в деревянных руках документ, смотря сквозь него и ничего не понимая, и думаешь: не успел ли чего-нибудь наприказывать и наподписывать, пока не соображал, что вокруг происходит? Секретаршу, что ли, найти, как у Тишкова, чтобы в случае чего пинками гнала с работы спать? Ведь и до беды недалеко этак-то.

У Тишкова. Где сейчас этот Тишков? Известно, где – под многометровым слоем камней и грязи. Жив ли? Цел ли? Думать об этом уже не было сил, но и не думать не получалось. Обрадовали было – сель не катастрофический, больших разрушений и жертв нет. Камень с души? Хрен. Лежит. Давит. Да уж был бы Тишков жив, от грязи отмоем.

Закрыв папку, поводит пальцем по сукну, помял в ладони подбородок. Выдвинул ящик стола – убрать до завтра недоразобранную пачку сводок, и увидел бумажку. Бумажек этих в кабинете Председателя Совета министров СССР – без счёта, но эту узнал сразу. Тишков. Его работа. Подавал перед отлётом в Казахстан. Необычное предложение – в фирменном тишковском духе, интересное, но больно уж смелое. Прочёл, убрал, решил дать вылежаться, да и забыл почти – а вот она. Передёрнуло – не из могилы ли привет: мол, помнишь меня, старик? Не застенела ли твоя премьер-министерская задница в высоком кресле? Не забыл ли, куда дышло реформ повернуть хотел?

И ведь только на прошлой неделе этот неугомонный Пётр опять заставил Косыгина вертеться, как плевков на сковородке. Едва успели с ужасным скрипом свести смету по автозаводу в Павлодаре – два месяца каждый день слушал матюги и стенания Гарбузова, которому пришлось «родить» нигде не запланированные деньги на строительство цехов и прочей инфраструктуры. Приличные деньги. Где взять? Крутитесь, дядя Лёша и дядя Вася. Или народному хозяйству хорошие машины не нужны? Технологии отработанные, по которым их печь как блины можно – знай стальку с люминькой в миске замешивай?

Нужны. Чертям фиатовским ведь тогда переплатили чуть не вдвое – никто больше продавать не хотел, нос воротили, санкций опасаясь. Так то – легковушки, жён с тёщами на дачу катать, и то если дача не очень далеко, и дорога до неё какая-то есть. А тут – пирог сам в рот лезет, аж подпрыгивает. «Джипы»! И полный цикл почти – пёс его знает, как, но Тишков вымудрил даже линии по производству коробок передач, которые Кайзеры сами не делали, а заказывали у фирмы «Борг-Уорнер». Приходил автомобильный министр Тарасов – Липгарт с Кригером и каким-то третьим импортным мудрецом уже полный проект составили: электрику и всякие мелкие приборы от других отечественных машин приспособят, а всё железо грозятся производить своими силами. Это, понятно, ещё на штатной американской оснастке – три модели, «Виллис», «Джипстер» и «Гладиатор», все – в вариантах «пикап» и «вагон». Все полноприводные, мечта колхозника. Названия даже новые выдумали: «Иртыш», «Ишим» и «Тобол». Пока – всё на старых штампах, которые поставят вместе с заводом, но уже начали прикидывать, как модели в скором времени освежить, всё-таки «Виллис» – машина уже немолодая. Деловые люди. Косыгин таких любил и уважал.

Ну, это ладно, с этим кое-как разобрались, начали строительство – но тут Тишков, чёрт бы его уволок, прилетел из Германии и опять обрадовал: ещё цеха нужны! И опять непонятно, как отказать: купил не что-нибудь, а производство лучшего, мать его разэтак, автомобиля Европы 1968 года! NSU, чтоб ему ни дна ни покрышки, Ro 80. Кто у них там призы эти присуждает? Что за лучший автомобиль, когда его через год на корню продают каким-то раздолбам Петьке и Марсельке чуть ли не за мелочь, за подкладку завалившуюся? Роторный двигатель! Что такое? На чём этот ротор вертеть? Повезло, однако: встреча была в тот же день с Дементьевым из Минавиапрома – посетовал на новую головную боль, а тот проникся и рассказал. Пробовали с этими моторами пару десятков лет тому – перспективно, но ненадёжно, материалы не те были. А у немцев вон теперь чего-то получилось, и если с умом подойти, то большая польза может для малой авиации выйти. Опять Бога за бороду Тишков ухватил? А не выскажет ему Бог при встрече за то, что руки больно распускает? Тьфу, пропасть. Хоть бы нескоро ещё встретились. Самому охота сперва уши этому хватателю оборвать. Лишь бы откопали живого.

«Марсельке»? Нужно будет с Подгорным поговорить. Почему не дать Бiku орден «Дружбы», маловато будет. Орден «Ленина». Всё же с его помощью в страну уже чуть не десяток заводов Тишков затащил. Одни мотороллеры денег принесли больше, чем трактора.

И тут Косыгину вспомнился протеже Тишкова Высоцкий. Ещё до Тишкова было. Песенку дали ему послушать:

Потеряю истинную веру —
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насера —
Не подходит к ордену Насер!

Гад, ведь. До чего талантлив. Не в бровь... Но Бик не Насер. Нужно дать орден. А Высоцкий пусть поёт. Прав ведь.

А ты, Алексей Николаич, сиди пока и предвкушай, как Гарбузов тебя вместо ротора этого кое на чём вертеть будет, когда опять с протянутой рукой к нему заявишься. И вот тут лезет в руки эта тишковская бумажка! Нет, надо пробовать. Что теряем? Всё равно колхозы потом за эти же машины платить будут. Кому хуже, если заплатят пораньше? Мда. Как там было-то у него?

«В качестве пилотного проекта для программы „Народного финансирования“ предлагаю новый автозавод в Павлодаре. Начать можно с простого распространения по самым богатым колхозам страны грамотных подготовленных информационных листов с предложением принять участие в софинансировании строительства цехов завода и монтажа оборудования в обмен на первоочередное выделение продукции завода сразу после его запуска, в объёме вложенных средств. Чем больше колхоз вложил, тем выше он будет в очереди, и тем ниже для него будет расчётная цена автомобилей, отпускаемых в пределах вложенного. Привлекательность предложения в том, что завод начнёт выпускать продукцию уже достаточно скоро, и колхозы могут ожидать возвращения средств в сравнительно небольшой срок, причём в форме отличных автомобилей, которые не только полезны в хозяйстве, но и представляют собой высоколиквидный товар, который колхозы в случае необходимости смогут быстро и выгодно реализовать. Народному же хозяйству это позволит сэкономить как минимум часть средств, отпускаемых на строительство, и использовать их в других целях.

Если первый этап проекта окажется успешным, то после широкого освещения удачного эксперимента предлагаю образовать Совет по Народному Финансированию, составленный из представителей успешных колхозов. В этот совет предприятия, желающие запустить производство новых товаров, но испытывающие сложности со средствами, смогут подавать свои предложения с экономическим обоснованием. Совет будет рассматривать эти предложения, проводить консультации и принимать решение об открытии сбора на тот или иной новый товар. Разумеется, необходимо предусмотреть и санкции за неисполнение взятых предприятиями обязательств. Кроме того, Совет сможет собирать мнения и самостоятельно заказывать на предприятиях и в научных организациях новые разработки на условиях широкого софинансирования. Возможно будет предложить или заказать всё, что угодно – от новой модели сепаратора до комплекта качественного сборно-щитового дома, от малой линии для производства пельменей до специализированного спутника для исследования климатических, водных и прочих ресурсов, важных в сельскохозяйственном планировании. Не исключаются и товары народного потребления. Требуется только инициатива с той или иной стороны.

Важный момент: для участия в проекте колхоз не должен иметь долгов или систематически не выплачиваемых кредитов, также колхоз не имеет права брать дополнительные кредиты для целей участия в финансировании. Если участие в проекте будет открывать доступ к высоковольтным товарам ограниченного выпуска, это должно послужить для руководителей отстающих хозяйств стимулом исправлять ситуацию.

Далее, при условии успеха проекта на уровне колхозов, возможно подключить к Совету в качестве участников софинансирования и получателей итогового продукта организации любого другого профиля – от школ до атомных электростанций. В итоге должна образоваться широчайшая сетевая структура, в которой любое предприятие сможет участвовать с любой стороны. Важно, что каждый рубль, вложенный посредством этой программы, неизбежно пройдет через реальный сектор; и даже если предположить, что какой-то подпольный миллионер вздумает легализовать свои накопления, обменяв их на автомобили или телевизоры через какой-либо колхоз или детский сад, то эти деньги всё равно послужат развитию народного хозяйства, поскольку народное финансирование будет возможно только для новых товаров, ещё не находящихся в производстве и продаже. В противном же случае за эти средства были бы спекулятивными методами приобретены товары из запланированных партий и вынуты из оборота торговых сетей; это только усиливало бы дефицит, и никак не способствовало бы расширению производства.

В дальнейшей перспективе поучаствовать в подобном финансировании, официально вложив средства через свою организацию, а впоследствии – и напрямую, сможет и персонально каждый гражданин.»

Косыгин ещё и раз, и два, и три перечитывал бумажку. Вроде бы ничего нового тут нет – финансирование различных затей, от церквей до научных экспедиций, «по подписке» было в ходу ещё в царские времена – и, что интересно, неплохо работало. Да чего там царские времена – разве сейчас не предоплачивают так же точно печать книг и газет советские читатели? Но почему-то пока никто не додумался попробовать этот подход в других областях. Интересно? Ещё бы. Боязно? А как же! Это ведь приличные средства, которыми будет фактически рас-

поряжаться какая-то невиданная распределённая структура. Возможны ли злоупотребления? Разумеется, возможны – где деньги, там и гешефтмахи. Однако почему-то успокаивает тот факт, что программу предлагается реализовывать на первых порах через руководителей богатых и успешных колхозов. Взять вот хотя бы Геринга, который сейчас министром в Немецкой республике. Это же глыба! Умище! Мужик спиной чувствует, где найти деньги – и, что главное, где их не потерять. И ведь таких по стране пусть и не сотни, но они есть, и им такое дело доверить не страшно. Хотя бы в порядке эксперимента. Что, разве им не нужны маленькие ползучие грузовички, летучки для механиков и полеводов, да просто хорошие недорогие машины для премирования ударников? Да с руками оторвут! А если для этого ещё и не надо унижаться, оттапывать пороги, слоняться по инстанциям, а надо просто перевести честно заработанные деньги и сколько-то подождать? Ого! А дай им возможность самим решать, что им нужно, чтобы лучше работать на земле и радовать людей? Поливальная машина на новых физических принципах? Телевизор со встроенной картофелекопалкой? Джинсовые трусы с подтяжками? Опять тишковская фразочка вспомнилась: «Любой каприз за ваши деньги»! И ну-ка, кто скажет, что это плохо?

С Гарбузовым всё равно придётся долго и мерзко ругаться – уж очень он не любит, когда какие-то деньги в стране проходят не через его руки. А всё же затея стоит хлопот. Авось, и наэкономим Петьке-выдумщику на цех для его роторно-моторных антимоний. Получится – заслужил.

Только бы выбрался.

Событие седьмое

Врач, осмотрев больного священника:

– Не вешайте носа, Ваше преподобие, скоро мы Вас поставим на колени.

– Я вам пятый раз русским языком объясняю: идут процедуры, и я вас не пушу! – ну, насчёт русского можно было бы и поспорить. Китайка, уйгурка, джунгарка – одним словом, не совсем русская толстенная тётка небольшого роста (квадратик эдакий) говорила с жутким акцентом, проглатывая не только гласные, но и целые слога.

– Я только взглянуть...

– Ты невидь голый поп мужк? – и руки раскинула в дверном проёме.

– Как там Пётр Миронович?

– Ты жен? Нет, вон, жен в палт двойк. Ты кто?

– Я второй секретарь ЦК.

– Буд первый – продти. Второй ннет.

Фурцева заглянула через голову носителя великого и могучего, но увидела только покрашенное белой краской стекло двери.

– Пойду к главврачу, – сообщила она убийственную новость кирпичику и пошла искать того.

– Два таж! – донеслось в спину.

Спустилась на «два таж». Коридор с облупленным кое-где, крашеным в зелёный цвет полом привёл Екатерину Алексеевну к двери, на которой на двух языках было написано одно и то же: «Главный врач. Канат Серикович Тезекбаев».

– Лучше уж с немцами, – проворчала Фурцева и толкнула дверь.

– Женщина, вас стучать не учили? А если бы здесь был голый мужчина? Вы ведь в больнице, – пухлые щёчки, пухлые ручки, пухлый второй подбородок.

– Извините, доктор, злая. Кипит внутри всё. Я – Фурцева Екатерина Алексеевна, а меня ваша санитарка на чистом русском не пускает к Петру Мироновичу! – плюхнулась на стул перед снявшим очки пухленьким. Жарко. Как тут люди живут?

– Кровь хотите сдать? – сощурился, хотя куда уж дальше.

– Кровь? – Фурцева ругаться пришла.

– Ну да – во время селя пострадало больше сотни человек.

– Ну, нужно – берите. Что с Тишковым? – нет, верных ленинцев с дороги не сбить.

– Перелом ноги. Перелом ключицы. Вызвали по его просьбе доктора Илизарова из Кургана. Общее состояние – нормальное. Немного обезвожен. Сейчас прокапаем, подлечим. Не переживайте. Как вас? Товарищ Фурченко? – а глаза хитрые, азиатские. Знает же, как звать, и кто такая. Ещё недавно ведь членом Политбюро была.

– Ладно, доктор. Извините за бесцеремонное вторжение. Ничья. Можно мне повидать Петра Мироновича? – сдулась. – И стакан водички, а то тоже будет обезвоживание.

– Конечно. У меня обход через десять минут. Возьму вас с собой. Всех пострадавших посмотрим.

– А может, его нужно самолётом в Кремлёвскую больницу? – жадно выхлебала поданный стакан с тёплой водой из графина. Гадость. И пахнет больницей. Хлорку, что ли, сыплют ведрами в воду эту?

– Ваше право. Не советую. Илизаров сюда, Тишков туда – так и не встретятся.

– Смешной вы. И нянечка с чисто русским языком – смешная.

– Бувинур – медсестра.

- Пойдёмте уже! – вскочила со стула Фурцева.
- Конечно. Обход в одиннадцать. Через восемь минут и пойдём.
- Р-р-р...

Событие восьмое

Девушка у врача.

– Доктор, вы можете сделать мне ноги от ушей?

– Можно попробовать. Пришить вам уши к ягодицам?

Болезнь хорошо. Лежишь себе весь белый (в бинтах же!) на белой простынке, и белой простынкой же укрыт. Хорошо – не с головой. Люди в белых халатах вокруг тебя ходят. В белые журналы чего-то там пишут. Посмотреть в белый потолок и попишут. Ещё белое полотенце на голове. Мокрое. Холодное. Вместо аспирина – ну ладно, вместе с аспирином.

Болезнь хорошо. Больным быть плохо. На Пётра целый бульдозер рухнул. Одна лепёшка осталась бы, не оттащи они помост. А так пустяком отделался: раздроблена кость – как тут правильно? В правой голени? На правой голени? Кирдык ноге. Даже ампутировать предлагали чуть ниже колена.

– Хрен вам, дорогие товарищи доктора, за воротник, и крапивы в штаны. Лечите. Чего нужно? Антибиотики из-за границы? Сейчас самолёт пошлём. Чего ещё? Стоп! Можно пригласить на консультацию доктора Илизарова. Кто такой? Куда звонить? Плохо-то как всё. А! Вот! Министром спорта в немецкой республике – Брумель. Он вас с ним свяжет. Туда тоже самолёт, и телефон мне, чтобы за границу звонить.

Первым дозвонился до Бика.

– Марсель привет.

– О, Петья, живой! Мне радио сказали – пропаль совсем. Все новости – враки.

– Чуть побитый. Марсель, я пошлю самолёт в Париж. Купи много хороших и дорогих антибиотиков, и кондиционеров штук тридцать. Тепло тут в больнице.

– Корошо. Что ещё, говори! – забубнили, прикрыв рукой трубку.

– Потом всё. Как у тёзки дела? – в прошлый раз звонил, малыш простыл. Испанка ходит по Европе, скоро и до СССР доберётся. Много людей умрёт. Нужно чего-то придумать.

– Уже лучше. О, Петья, Шик завонял.

– Чего? Одеколон выпустил? – голова как ватой набита. Температура. Воспаление идёт.

– Ньет. Завонял. Издохнит.

– Умер? Так он вроде давно умер.

– Ты плохой рускознай! – смеётся там.

– Знатор русского.

– Да. Знатьек тоже плохой. Фирма Шик объявил о банкротстве. Сдохлый.

– А ты?

– Я не сдохлый, – опять ржёт. Голова раскалывается.

– Так чего делать будешь? Покупаем?

– Фига им с маслём, – прямо воочию видно, как крутит фигу свою здоровенную.

– Хотели же забрать себе их заводы.

– Да, часть возьмём. А всякий туалетный вода, одеколон и духи – не берём.

– Подожди. Я плохой рускознай, а ты плохой бизнесзнай. Смотри. У нас есть Мишель.

– Нет. У тебя Лия, у меня Мишель.

– Хорошо. У тебя. Тьфу. У тебя есть Мишель. Отелло тут выискался! Итак. У тебя – Дездемона. Вот чёрт! Температура. У тебя – Мишель. Ещё есть Керту Дирир. Есть Джанетта, есть эта чертовка Сиомара Леаль, есть Маша. Если их фото выставить на духах, и назвать одеколоны и духи их именами, и магазин сделать специализированный – со шмотками от, них с косметикой и духами, то можно кучу денег заработать. Обязательно бери весь Шик, и ещё

поузнавай там про парфюмерные и косметические заводы. В США сейчас могут быть банкроты. Людям не до помад.

– Я понял тебя. Как Шанель. Я напрягайт бухгалтер, пусть считают. Много деньгья. Столько ньет.

– Возьми кредит. Это быстро окупится. «Адидас» подключим с коллекцией одежды. Заводы парфюмерные лучше перевезти в СССР. Там, в Штатах, всё дорого – электричество, рабочая сила. Вот химию нужно посмотреть. Ну, ты разберёшься. Если правильно подойти, то мы всю парфюмерную промышленность Европы под себя подомнём. Всё, Марсель, тут доктора пришли колоть меня. Прошу, не тyani с антибиотиками и кондиционерами. Тут кроме меня ещё несколько десятков пострадавших.

– Поньял. Лечу.

Глава 7

Событие девятое

После операции больной в палате орёт:

– До-о-октор!

Прибегает врач:

– Что случилось?!!

– Доктор, что-то странное... Я не могу нащупать свои ноги.

– Ну, это понятно – мы же ампутировали вам руки.

Можно ведь сказать, что один пострадал. Лия – цела-целёхонька, Юрка – тоже. Маша-Вика несколько царапин на правой руке заимела – обработали и на следующий день домой отвезли. Таня ночь провела в больнице, как всё семейство. Обезвоживание – всех положили под капельницу. У Тани ещё и два пальца сломаны на левой руке – держалась за стеллаж, когда тот стал заваливаться. Загипсовали, прокапали физраствором и отправили тоже домой. Больница переполнена. Несколько десятков с переломами и сильными ушибами лежат в палатах и коридоре.

Пётр решил, как выберется отсюда, пробить денег на строительство большой современной клиники. Теперь вот и кондиционеры у Бика заказал. Как люди без них в такую жару в больнице? А как доктора операции делают? Бардак! И все ведь молчат. Вот вылетело из головы – а что там с Бакинским заводом кондиционеров? Нужно будет по выходу из больницы тоже провентилировать. А, хотя нет. Нужно по французской лицензии где-нибудь в Павлодаре или Караганде немцам поручить строить завод. Сборочный же – ни огромных помещений, ни заумного оборудования. А свои пусть изучают пока.

В соседней палате лежат два бульдозериста. Один из них – не хухры-мухры. Негр-авиатор! Да ещё, как оказалось, футболист. Жаль, футбол не тот. Регби начинать осваивать разве? Что-то там у СССР особых успехов не будет. Перевелись богатыри на земле русской?

Негра зовут Джин, как водку можжевеловую. Но негр не пьёт почти – моряк и футболист. Даже не поприкалываешься над ним: «Ей, Джин, джин будешь»? Зато вот второе значение своего имени оправдал на сто процентов. Ну, типа не просите помощи у джинов – помогут, но будет ещё хуже. Вот и этот раскопал – и чуть не угробил. На пару минут разошлись, а всё семейство забульдозерил бы. Сам сломал ногу почти – трещина в какой-то берцовой кости. На костылях уже два раза Петра навещал.

– Мистер Президент, я не нарочно. Я старался вас быстрее откопать. Позвал всех на помощь.

Ну, это не он сам так по-русски чешет. Это с ним Бенсен возится, как с сыном. Вот вдвоём первый раз зашли.

Как в мультике? Делай добрые дела и кидай их в воду. Вот и с Петром то же самое случилось. Помогал конструктору построить стрекозу смешную – и пожалуйста. Джин его заметил и помощь привёл. И самое главное – место точно указал. Могли ведь и не дожидаться помощи, если Фурцеву послушать. Еле обратно в Павлодар вытолкал – тоже материнской любовью воспылала, кровь хотела сдать. Шестьдесят лет бабушке, а ветер в голове.

Не очень обрадованного Гавриила Абрамовича Илизарова привезли на «Боинге», и сразу же отправили самолёт в Париж за кондиционерами и лекарствами. Операцию по собиранию костей и настраиванию своего аппарата курганский доктор провёл за какие-то восемнадцать

часов, и, снова поругавшись, остался на неделю – понаблюдать за пациентом и набросать список чудес из-за рубежа и от наших умельцев.

Он и сам пробьётся. Да уже почти пробился – но с помощью денег и чьей-то матери точно быстрее и лучше получится. Смотришь, нога Петра Тишкова поможет спасти ноги несколькими сотням, а то и тысячам людей в стране.

Делай добрые дела и кидай их в воду.

Событие десятое

- *Я на днях открываю новое дело и очень скоро разбогатею.*
- *Вы бизнесмен?*
- *Нет, прокурор!*

Георгий Максимилианович Маленков сидел в палате у Петра Тишкова в маленьком кресле, что стояло в углу, и проглядывал газету «Правду». Заметив, что Пётр отложил документ, который читал, полусидя в специальной кровати с поднимающейся частью, он аккуратно свернул газету и положил на тумбочку.

– Хреновый из тебя Пётр партийный руководитель республики. Не дорос. Вот министром был, наверное, на своём месте. Много полезного сделал. Хотя тоже всё щипками какими-то. Масштаба не хватало.

– Туркменский канал не начал строить? – Пётр кисло улыбнулся. Давно его не отчитывали.

– Я прочитал про Аральское море. Не знаю. Может, ты прав, может, те, кто за спасение Каспия. Тоже ведь мелеет и как бы не быстрее Арала. Но я ведь остановил тогда строительство Туркменского канала не из-за морей. Просто денег на такой масштабный проект в стране не было. Разруха послевоенная. Дома и заводы нужно было строить, а не закапывать деньги в землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.